

Узденова Фатима Таулановна

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПОЭЗИЯ XX ВЕКА: ЭТНОКУЛЬТУРНАЯ
СПЕЦИФИКА, ЭВОЛЮЦИЯ, ЖАНРЫ**

Специальность 10.01.02 – Литература народов Российской Федерации
(Литература народов Северного Кавказа)

Автореферат диссертации на соискание ученой степени
доктора филологических наук

Нальчик 2020

Работа выполнена в секторе карачаево-балкарской литературы Института гуманитарных исследований – филиала Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

Научный консультант

Тхагазитов Юрий Мухамедович, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук»

Официальные оппоненты

Панеш Учжук Масхудович, доктор филологических наук, декан филологического факультета, профессор кафедры литературы и массовых коммуникаций ФГБОУ ВО «Адыгейский государственный университет»

Кузнецова Анна Владимировна, доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной литературы ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет»

Акамов Абусупьян Татарханович, доктор филологических наук, врио директора Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы – обособленного подразделения ФГБУН Дагестанского федерального исследовательского центра Российской академии наук, главный научный сотрудник отдела литературы

Ведущая организация

Ордена Знак Почета Институт истории, языка и литературы – обособленное структурное подразделение Федерального государственного бюджетного научного учреждения Уфимского федерального исследовательского центра Российской академии наук

Защита состоится 14 апреля 2021 года в 11:00 на заседании диссертационного совета Д.002.209.04 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы им. А.М. Горького Российской академии наук» по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке ФГБУН ИМЛИ им. А.М. Горького РАН по адресу: 121068, г. Москва, ул. Поварская, 25а и на официальном сайте института: <http://imli.ru/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04-o/dissertatsionnyj-sovet-d-002-209-04/4186-karachaev-balkarskaya-poeziya-khkh-veka-etnokul-turnaya-spetsifika-evolyutsiya-zhanry>

Автореферат разослан « ____ » _____ 2020 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета

Т.В. Говенько

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования. Процесс развития национальных литератур Северо-Кавказского региона обнажил ряд теоретических проблем, связанных главным образом с целостно-концептуальным рассмотрением (во всем идейно-тематическом и жанрово-видовом многообразии) одной из главных составляющих литературной парадигмы – поэзии, как единой художественной системы. Перспективный и корректный подход в данном секторе исследований подразумевает уточнение хронологической и стадийной периодизации литературного процесса, осмысление аспектов генезиса традиционных поэтических практик, формирования эстетической системы, ее динамики на последующих этапах развития – всего того, что в целом позволит очертить и атрибутировать эволюционные процессы этнокультурного сознания. Указанное направление видится остроактуальным и по причине наблюдаемого сегодня углубления разрыва между традиционными этническими представлениями этико-эстетического плана и рекреативными практиками и их современными аналогами.

По сути дела, речь можно вести об утере значимых составляющих национальной идентичности и фактическом формировании в границах одного этноса его новой ментальной интерпретации. Данный феномен ставит под вопрос способность адекватного прочтения текстов, насыщенных традиционными формантами национальной картины мира. В первую очередь это касается устойчивых семантических структур фольклорного происхождения, но также в той или иной степени может относиться и к авторским произведениям.

Поэтому обращение к истокам национальной художественной словесности (фольклор, национальные адаптации восточных дастанов и творчество поэтов-певцов (джырчи), религиозное и светское просветительство, переводческая деятельность, заимствования форм поэзии пролеткульта на начальном этапе) в контексте заданной проблематики является критическим условием для выявления специфики художественного сознания карачаево-балкарцев, предпосылок эволюционного процесса национальных литератур. Настоящий момент в истории

развития российского и мирового социума характеризуется кардинальной сменой информационной среды и фактической унификацией не только мотивационных и ценностных установок человека, но и самого характера осознания окружающего. Исследование же форм символизации, национальных архетипов и устойчивой образности, актуализирующих этнокультурные представления, помимо процессов становления и развития типологических подходов в построении национальной картины мира имеет особое значение в понимании характера и способов интеграции этнического и общегуманитарного, уточняет место и перспективы традиционных перцептивных моделей в современном контексте культурной глобализации.

Анализ эпических и фольклорных семантических структур, основных этнических архетипов видится неотъемлемой частью заявленной темы исследования именно с точки зрения исконной своеобычности национального мироощущения, проявленного главным образом в доавторских формах словесного творчества и исчезающего в наши дни.

Степень разработанности проблемы. В эпоху социальной активности народов, диверсификации интеллектуальных ресурсов, новационных подходов к проблемам художественности необходимость и значимость изучения культурных, жанровых, образных маркеров национальной идентичности и их изменений в процессе взаимодействия литератур осознаются особенно остро. Равным образом ситуация перманентного ощущения «этапности» текущего момента требует обобщения опыта художественной литературы в контексте социально-политических, историко-культурных и духовно-нравственных преобразований. В северокавказском литературоведении исследованием означенных проблем занимались Г. Гамзатов, К. Султанов, З. Толгуров, А. Караева, Ф. Урусбиева, А. Теппеев, Р. Ортабаева, Н. Джусойты, А. Абдуллатипов, Х. Туркаев, Х. Хапсироков, Л. Бекизова, В. Тугов, К. Шаззо, Х. Баков, Ю. Тхагазитов, З. Акавов, Р. Мамий, А. Мусукаева, А. Гутов, Ч. Юсупова, Т. Эфендиева, Н. Кагиева, С. Алиева, И. Дахкильгов, Р. Фидарова, У. Панеш, Т. Биттирова, Н. Суюнова, Х. Мартазанова, А. Казиева, Б. Тетуев, З. Караева, К. Паранук, Т. Толгуров, З.

Кучукова, М. Хакуашева, М. Гусейнов, А. Акамов, Ш. Курмангулова, Т. Чанкаева, Х. Тимижев, М.Ю. Чотчаева, А. Сарбашева, П. Чекалов, Б. Берберов, М.Х. Чотчаева, А. Болатова, К. Бауаев и др.

Большим вкладом в разработку важнейших теоретических и методологических аспектов литературоведения явились многотомные истории всемирной, русской, многонациональной советской литератур. В различных изданиях очерков истории национальных северокавказских литератур рассмотрены проблемы формирования жанровой парадигмы, характера влияния фольклора на авторскую литературу, специфики этнических практик словесного творчества и процессов становления индивидуального стиля.

Относительно интересующей нас проблемы следует обозначить специальные исследования, отличающиеся теоретико-методологическим подходом к рассмотрению поэзии карачаевцев и балкарцев, ее жанровых и поэтико-стилевых особенностей, процессов эволюционирования: «Литературно-критические очерки карачаевской и балкарской поэзии» (1935) У.Б. Алиева, «Очерк истории карачаевской литературы» (1966) А.И. Караевой, «Путь к жанру» (1972) Ф.А. Урусбиевой, «Движение балкарской поэзии» (1984) и «В контексте духовной общности» (1991) З.Х. Толгурова, «Художественный мир Исмаила Семенова» (1997) З.Б. Караевой, «Информационно-эстетическое пространство поэзии Северного Кавказа» (1999) Т.З. Толгурова, «Поэма в литературах народов Северного Кавказа: формирование парадигмы жанра» (2001) Ф.Т. Узденовой, «Эволюция карачаевской литературы: проблематика, поэтика, межлитературные связи» (2004) Т.А. Чанкаевой, «Художественные традиции в северокавказской поэзии XIX–XX веков: этнокультурные факторы и контекст» А.М. Казиевой (2004), «Эволюция тканевых образных структур в новописьменных поэтических системах Северного Кавказа» (2004) Т.З. Толгурова, «Онтологический метакод как ядро этнопоэтики (карачаево-балкарская ментальность в зеркале поэзии)» (2005) З.А. Кучуковой, «Карачаево-балкарская авторская поэзия второй половины XIX – начала XX в. (генезис, жанровые особенности, поэтика» (2007) Б.И. Тетуева, «Карачаево-балкарская поэзия 1940–1980-х гг. в историко-культурном

контексте северокавказской литературы» (2010) Т.Д. Созаевой, «Тема народной трагедии и возрождения в карачаево-балкарской поэзии» (2011) Б.А. Берберова, «Жанр баллады в балкарской поэзии» (2015) З.Х. Толгурова, «Духовная литература карачаевцев и балкарцев: рукописное наследие» (2016) Т.Ш. Биттировой, «Апперцептивная специфика балкарской поэзии и ее истоки» (2016) К.К. Бауаева, «Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст» (2016) Ф.Т. Узденовой, «Карачаевская лирическая поэзия. Эволюция жанра в историко-культурном контексте» (2017) Ф.Д. Шамановой – Блимготовой, «Литература и фольклор карачаево-балкарского зарубежья» (2018) Т.Ш. Биттировой, «Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие» (2018) Ф.Т. Узденовой.

В то же время попытки исследования эволюции семантических единиц карачаево-балкарской поэзии в большинстве случаев ограничивались их классификацией в той или иной жанровой форме, вычленяемой по тематическому признаку: например, социально-философская поэма, историко-героическая поэма, поэма-воспоминание, поэма-посвящение и т.д., и воплощением в них определенных доминирующих структур – как правило, эмпирических и описательных сопоставлений жанра и сопутствующих ему образцов устойчивой образности. В этой связи представляется мотивированным и своевременным проанализировать карачаево-балкарскую поэзию даже в таком давно востребованном направлении, как функционирование существующей парадигмы поэтического жанра в образном, концептуальном и этноэволюционном прочтении.

Гипотеза. Карачаево-балкарская поэзия, изначально восходящая к двум генерационным основаниям, – национальному фольклору и арузной традиции – после 1917 года вступила в период ароморфоза и развивалась в границах эстетических доктрин социалистического реализма под сильным влиянием русской советской поэзии. Восточные практики были фактически изжиты из творчества национальных поэтов. Однако эволюция карачаево-балкарской художественной словесности не проходила в режиме стандартного развития

новописьменных литератур. Глоссариальная детализация витальных практик карачаевцев и балкарцев обусловила повышенную сензитивную насыщенность значительного числа устойчивых фольклорных структур, сохранивших свою «физическую» семантику при переходе в авторские тексты. Карачаево-балкарская советская поэзия уже на первых стадиях своего развития тяготела к рефлекторной конкретике и осмыслению отвлеченной символики. Это качество эстетического мышления национальных авторов оформилось в комплекс идентификационных представлений о функциях и специфике поэтического представления, результатом чего стало насыщение авторских текстов советского периода формантами в основном фольклорного происхождения. Их присутствие обеспечило особый характер эволюции образной, жанровой, концептуальной систем национальной поэзии, отмеченный циклическим возвратом к понятийно-рациональной рефлексии с последующими переходами на сензитивные уровни отражения и соответствующей активизацией определенных жанровых форм.

Реализация указанных в работе целевых установок, главным образом – описание и выявление сущностных черт национальных моделей фиксации феноменов и явлений окружающего, обусловленных витальным и рекреативным опытом народа в ходе его исторического развития, зависит от успешного разрешения комплекса задач: анализа хода поступательного прогрессивного движения этнически обозначенных семантических структур, отражающих особенности национального эстетического сознания; выявления уникальных и универсальных черт эстетической презентации в ее образной составляющей; атрибутации культурных мемов и архетипов в части особенностей их генезиса в конкретике этнического социума. Решение последней невозможно вне семиотической науки: устойчивая национальная символика всех уровней осознания окружающего играет роль этнических идентификаторов, а способы и механизмы их проникновения в литературу во многом обуславливают ее сущностные свойства и специфику. В конечном итоге стабильные информационные структуры словесного творчества любого народа выступают в

качестве значимых детерминант национальной картины мира, национального мирозерцания и самосознания в целом.

Исследование эволюции и состояния поэтического жанра на материале карачаевской и балкарской литератур представляется вполне оправданным – их этнокультурное единство не вызывает сомнений. Синтез «автохтонного кавказского и тюркского компонентов определил своеобразие карачаево-балкарского этнического сознания» (И. Маремшаова); его дальнейшее эволюционирование связано с культурно-историческим опытом народа – от мифоритуального сознания до восприятия реалий сегодняшнего дня. Выявление основных векторов взаимодействия различных культур, обусловивших специфичность видения мира поэтами, необходимо в целях контекстуального (в контексте поэзии Северного Кавказа) рассмотрения означенной проблемы. Подобный подход позволит воссоздать пространство северокавказской поэзии в ее целостности с учетом генетической и типологической общности национальных литератур. Постановка и разработка актуальных для современного литературоведения проблем, таких как традиции и новаторство, система жанров, константы этнокультурного сознания, семиотический контекст и национальная идентичность, не менее важны при выявлении специфики национальных поэтических практик.

Руководствуясь изложенными мотивами нами предпринята попытка комплексного исследования эволюции карачаево-балкарской поэзии, ее жанрового и проблемно-тематического многообразия, решения вопросов этнокультурной идентичности. Особый акцент сделан на анализе национальных поэтических систем, определении универсальных и индивидуально-специфических моментов в трансляции нравственно-этических традиций. Научная значимость работы определена рядом факторов, основные из которых: пристальное внимание современного литературоведения к проблемам жанра и вопросам поэтики; отсутствие специальных работ, посвященных комплексному исследованию карачаево-балкарской поэзии; актуализация проблем сохранения этнокультурной идентичности в условиях глобализации.

Объектом исследования является карачаево-балкарская поэзия.

Предметом исследования – эволюционные процессы карачаево-балкарской поэзии XX века (в хронологическом срезе), жанры, этнокультурный компонент.

Целью работы является исследование эволюционных процессов карачаево-балкарской поэзии XX века, ее жанрового и этнокультурного своеобразия.

В соответствии с целью определены **задачи**:

- выявление истоков карачаево-балкарской поэзии в части этиологии и генезиса ее основных семантических универсалий;
- выстраивание стадиальной картины эволюции карачаево-балкарской поэзии в границах различных этапов развития этноса;
- выявление аксиологических стандартов и их связи с жизненными практиками, влияющими на развитие этнокультурного сознания;
- определение основных культурно-этнических паттернов, составивших базовый фонд образных структур национальной словесности;
- уточнение механизмов трансформации семантических универсалий в структурные образования разного типа и уровня;
- выявление связи между традиционными формантами фольклорного происхождения и их авторскими интерпретациями;
- установление особенностей системы жанров карачаево-балкарской поэзии и выяснение их адаптивных ресурсов в свете их этнокультурного происхождения;
- оценка адаптивных возможностей национальных архетипов, устойчивой образности, символики и культурных знаков в интегративном пространстве СССР и современной России.

Научная новизна. Работа представляет собой первую попытку парадигмально полного исследования эволюции карачаево-балкарской поэзии XX века – в единстве ее истоков, жанровой парадигмы и этнокультурных характеристик.

Исследована парадигма национально-этнических представлений, связанных с традиционным мироощущением этноса, его социально-исторической и культурно-адаптивной деятельностью.

Выстроена и аргументирована стадийная картина эволюции карачаево-балкарской поэзии в границах различных этапов развития этноса с одновременным определением ценностных ориентаций, соответствующих различным периодам исторического развития, обусловивших соответствующие состояния этнокультурного сознания.

Зафиксированы и описаны основные культурно-этнические паттерны, составившие базовый фонд образных структур национальной словесности.

Уточнены механизмы трансформации семантических универсалий в структурные образования разного типа и уровня, пути и возможности авторской интерпретации формант фольклорного происхождения.

Впервые предпринята попытка комплексной систематизации жанров карачаево-балкарской поэзии.

Теоретическая и практическая значимость работы

Теоретическая значимость работы заключается в том, что она призвана дать целостное представление об эволюционных процессах карачаево-балкарской поэзии, восполнить пробел в исследовании проблем генезиса, этнокультурного и жанрового своеобразия, типологии, проблематики и поэтики.

Результаты исследования могут быть использованы при написании научно-теоретических трудов, подготовке учебных пособий, спецкурсов по карачаево-балкарской литературе, работ по жанровой проблематике северокавказских литератур, сопоставительном анализе фольклорной и авторской новописьменных литератур региона, а также найти применение в ходе выполнения интегративных культурологических, философских, лингвистических научных проектов.

Теоретико-методологическую основу работы составили исследования, касающиеся вопросов жанра, поэтики, стиля, в частности работы Аристотеля, В.Г. Белинского, И.С. Пала, Г.Н. Пospelова, Ф. Брюнетьера, Н.А. Дмитриевой, А.Н. Лурье, В.В. Кожина, Г.И. Ломидзе, М.М. Числова, А.С. Карпова, А.Г. Жакова,

М.Б. Храпченко, Н.С. Надъярных, С.А. Коваленко, А.И. Чагина; труды в области мифологии и фольклористики Э. Кассирера, Р. Барта, А.Н. Веселовского, В.Я. Проппа, Е.М. Мелетинского, М. Элиаде, А.А. Потебни; работы, посвященные культурной символической и мифо-эпическим знакам (А.Ф. Лосев, М.М. Бахтин, В.В. Виноградов, В.М. Жирмунский, Ю.М. Лотман, Г.Д. Гачев, Ю.Д. Апресян, В.А. Маслова и др.), проблемам этногенеза и культуругенеза в рамках антропоцентрического направления теории эволюции, в особенности труды Г. Гегеля, К. Юнга, К. Леви-Стросса.

В освещении означенных проблем существенным подспорьем послужили труды северокавказских ученых: З.Х. Толгурова, А.И. Караевой, Г.Г. Гамзатова, Ч.С. Юсуповой, Х.И. Бакова, К.К. Султанова, Р.А.-К. Ортабаевой, Ю.М. Тхагазитова, А.М. Гутова, Т.Ш. Биттировой, Х.Х. Малкондуева, М.Ч. Джуртубаева, З.Б. Караевой, А.М. Казиевой, З.А. Кучуковой, М.А. Хакуашевой, М.Д. Каракетова.

В работе использованы структурно-описательный, сравнительный, историко-типологический, герменевтический, статистический методы исследования.

Материалом исследования послужили поэтические произведения карачаевских и балкарских авторов, фольклорное наследие, в первую очередь эпос «Нарты», для сопоставительного анализа привлечена художественная литература народов Северного Кавказа и других регионов России.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Обращение к истокам (фольклор, восточные (арузские) практики, просветительство, творчество поэтов-певцов, импровизаторов, заимствования форм поэзии пролеткульта на начальном этапе) в контексте заданной проблематики является необходимым условием для выявления специфики художественного сознания карачаево-балкарцев, предпосылок формирования, эволюционирования, трансформации жанров национальной поэзии.

2. Развитие устной поэтической традиции карачаевцев и балкарцев, их эстетических воззрений имеет несколько генерационных оснований. Первичными

являются архаичные слои национального фольклора. Этикетные и адатные комплексы определяют принципы типизации и позиционирования героев в карачаево-балкарском фольклоре, так как и поздние его формы, будучи отражением рекреативных практик и опыта народа, в этической части ориентированы на сложившуюся ранее традицию. Более того, критерии соответствия морально-этическим нормам закрепляются в общественном сознании народа в качестве эстетических идеалов. Принимая во внимание незыблемость адатных положений в части поведения, мотивации, целеполагания, можно ожидать проявления этой безусловности как в фольклоре, так и в авторской литературе. Особенно это наглядно в стихотворных текстах. Анализ опыта карачаевских и балкарских поэтов показывает, что вплоть до середины 1960-х годов, а многих авторов – до конца 1970-х бинарно-оппозиционное (позитивно-негативное) эстетическое представление сохранялось в качестве основного метода фиксации и осмысления окружающего мира.

3. Моделирование жанрово-видового пространства карачаево-балкарской поэзии происходит на ранних стадиях развития социума, и несмотря на то, что поэтический опыт различного происхождения (от магических песен до эпической традиции) и по сей день не обрел синтетического качества и сохраняет генетическую имманентность, проявляющуюся в дробном и детализированном жанровом пространстве, процесс взаимной интеграции поэтических структур поэзии карачаевцев и балкарцев уже имеет место. Например, большинство лирических любовных стихотворений карачаевских и балкарских поэтов напрямую восходит к фольклорным девичьим сетованиям («тарыгъыу»), плачам («кюй»), причитаниям («сарын»), лирическим песням с элементами словесной состязательности («ийнар»). Сочетание моделей традиционного мировидения с апелляцией к исламской духовной составляющей дает нам новую художественную форму – *восхваление* с элементами благопожелания-«алгъыш». Зародившись в фольклорной эстетике, эти и другие жанровые образования были употребительны и на последующих этапах развития социума. В советскую эпоху, особенно в ее первые годы, применение их было инициированным, обусловлено

идеологическими факторами и представляло собой прямую экстраполяцию композиции, образности и последовательности переживания на актуальное содержание той или иной ситуации.

4. Литература народов Северного Кавказа, равно как и литература других народов России, на рубеже XIX–XX вв. оказалась в эпицентре масштабных исторических событий, повлекших трансформацию художественно-эстетического сознания. Естественный ход эволюции был нарушен. Новая действительность, связанная с революционными преобразованиями, стала единственной всеобъемлющей темой искусства, отражение которой – с позиции идеологической заданности – было условием единственно возможного пребывания в пространстве советской действительности. Вместе с тем Октябрьская революция стала вехой, позволившей панорамно развернуть «возможности» поэзии, показать глубину и масштаб мысли художников слова, методы реализации аксиологических установок, умелое использование изобразительных средств. С позиции художественно-стилевой направленности литература указанного периода была точкой пересечения различных тенденций с преобладанием просветительского и романтического типов сознания.

5. Наметившиеся в первые годы Советской власти тенденции преодоления безусловного идеологически-оппозиционного описания долгое время оставались не более чем тенденциями. Идеологические образные и концептуальные универсалии настолько довлели в эстетическом пространстве новописьменных народов в довоенный период, что лишь единицы могли преодолеть прессинг государственно одобряемой советской эстетики – это прежде всего, если говорить о карачаево-балкарской поэзии, – И. Семенов и К. Кулиев. Да и относительно таких масштабных личностей справедливым будет утверждение, что уникальность их проявлялась, как правило, в десоциализированных текстах.

6. Акцентированное внимание авторов к этническим истокам в поисках примеров героизма, выявление гносеологически значимых концептов, маркированных, отражающих этноментальную аксиологию, – особенность поэзии военного и послевоенного периодов. Творчество карачаево-балкарских поэтов

рассматривается в едином потоке национального и общечеловеческого, выявляя императивные модели с выраженной патриотической патетикой. На концептуальном уровне тексты как и прежде выстраиваются в соответствии с традиционной схемой безальтернативной оппозиции «добро» – «зло», восходящей к противопоставлениям положительного-отрицательного классово обозначенного искусства первых лет Советской власти.

7. Период становления и интенсивного развития карачаево-балкарской поэтической мысли – 60-е – первая половина 70-х гг. XX в. ознаменовался этнизацией ранее использовавшихся эстетических и культурных универсалий, а затем и произошедшей в результате их дальнейшего изменения индивидуализацией. Национальное художественное мышление, точнее национальные матрицы поэтического отражения, подошло к тому эволюционному порогу, после которого начинался массовый, но в каждом конкретном случае личностный отбор образных и концептуальных структур, сформированных и сохранившихся в глубинах карачаево-балкарского фольклора. Иначе говоря, это было формирование основного фонда концептуалистики карачаево-балкарской поэзии в ее национально обозначенных формах.

8. Конец 70-х – первая половина 80-х годов XX века – качественно новый этап в развитии карачаево-балкарской поэзии. Обобщенный контент (национальной поэзии) перестает отвечать запросам и творческим задачам большинства авторов, стремящихся на этой стадии к подчеркнуто индивидуальному подходу в отражении окружающего и уяснению места личностного начала в общем пространстве внеидеологического бытия, главным образом – в границах хроно-пространственных представлений. Апперцептивные модели новой формации выстраиваются на уникальных ощущениях субъекта, что приводит к неизбежной диверсификации национальных моделей рефлексии.

9. Начиная приблизительно с конца 1970-х годов личностные представления авторов абсолютно довлеют в общем объеме текстов – причем на всех уровнях художественного замысла и реализации. Однако в это же время особую семантическую нагрузку получают те блоки и сектора выразительных

конструкций, существование которых лежит вне воли поэта и его частного видения мира. Речь идет главным образом об архетипических представлениях – т.е. все архетипы фольклора, которые можно признать этноидентификационными, более того – любые образы, приобретающие в поэтической традиции регулярный характер, обретают постоянство в авторской поэзии карачаево-балкарского народа, находятся в плоскости традиционного и позволяют соотнести их с той или иной формой художественного отражения. Устойчивые семантические структуры любого уровня неизбежно претерпевают последовательные эволюционные трансформации от контекстуального описания до национальной эмблемы (знака).

10. Неизбежная утеря определенных жизненных практик приводит к таким же неизбежным изменениям информационной среды, формирующей образное мышление. Изъятие из повседневной жизни народа тех или иных приемов адаптивного взаимодействия с окружающим закономерно сопровождается изъятием соответствующих объемов информации из образа. Логическая цепочка семиотических наращений и потерь в итоге и приводит к «оформлению» презентативной этнокультурной модели, вбирающей в себя все парадигмальные и институциональные признаки этико-эстетических представлений народа и факторы его этнокультурной идентификации.

Степень достоверности и апробация работы. Содержание диссертационного исследования отражено в более 100 публикациях, основными из которых являются *3 монографии; разделы и статьи в 2-х коллективных фундаментальных исследованиях* (Очерки истории балкарской литературы: монография / под ред. З.Х. Толгурова. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. 808 с.; Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX века): биобиблиографический словарь / отв. ред. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с.), *20 статей в изданиях, рекомендованных ВАК, 8 статей – в журналах, входящих в базу данных Web of Science.*

Апробация результатов осуществлялась в процессе чтения курса «История карачаево-балкарской литературы» в Кабардино-Балкарском государственном

университете им. Х.М. Бербекова. Основные положения диссертационного исследования изложены в докладах на всероссийских и международных научных конференциях.

Структура работы. Диссертация состоит из введения, пяти глав, заключения, списка литературы.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы диссертационного исследования, раскрывается научная новизна работы, определяются объект, предмет исследования, цель и задачи, теоретико-методологические принципы, формулируются основные положения, выносимые на защиту, раскрывается теоретическая и практическая значимость работы, приводятся сведения об апробации результатов.

Первая глава диссертационного исследования – **«Проблема идентификации этнокультурного сознания и специфика карачаево-балкарской поэзии»** посвящена рассмотрению общих вопросов формирования систем коммутирования в культурном пространстве и их особенностей в национальных моделях рефлексии. Первый параграф главы – «Семиозис и этнокультурный контент семиосферы» освещает эволюцию теоретических взглядов на системы организации информации в этническом сознании, а также уточняет содержание базовых терминов.

Констатируется, что с момента становления двух основных подходов в атрибуции человеческого сознания, изложенных в трудах К. Юнга, Дж. Фрезера и их последователей, методологическая проблема анализа словесного творчества отмечена двойственным пониманием. Воздействие общефилософских воззрений марксизма, заключавшееся в признании экстраполятивного характера эстетических взглядов, и одновременно стремление социалистического учения к феноменологизму и догматике создают некую путаницу, даже на уровне терминологии.

В зависимости от конкретных теоретических целей исследователей типологические формы художественного отражения сводились к различным видам образного восприятия, начинавшегося в конкретном зрительно-осязаемом охвате объективной данности и заканчивавшегося в теоретически неограниченном умозрительном обобществлении мира.

Функционально или этиологически обоснованного классификационного взгляда отчетливо не наблюдается и у основателей семиотического подхода: констатируя наличие в любом тексте «разностатусных» структур, они обращаются в основном к выяснению схем их воздействия на сознание, не заостряя внимание на внутренней иерархии самих организационно-смысловых констант.

Обращение же к столь популярному в современном литературоведении понятию «архетип» не всегда представляется правомерным (терминологически). Архетип рассматривается как совокупность устойчивых черт и характеристик, образующих некий сквозной в пространстве художественных представлений объект, при этом неразличение среды его бытования – миф, эпос, поздний фольклор – приводит к взаимозаменяемости символа и архетипа.

Между тем архетип и символ – разные по своим функциям и происхождению структуры. В оценке К. Юнга, введшего в научный оборот понятие «архетип», последний представляет собой некую праформу, восходящую к концепциям античных и средневековых философов. В интерпретации современного литературоведения архетип представляет собой определенный информационный слепок с той или иной стороны жизнедеятельности общества, претендующий на законченность, на представление наиболее оптимальной формы взаимодействия человека, группы и внешнего мира. Последовательность трансформаций архетипа при его стадийном движении из исходных эволюционных модификаций к последующим выявляет его семантику и социальную функцию. Архетип в своем эволюционном движении реализуется в коллективном сознании в актуальных формах, но сохраняя в виде рудиментов предыдущие. При этом предыдущее качество архетипа фиксируется в виде

нефункциональной детали – видимо, ввиду эволюционной отдаленности конечной ипостаси от исходной и фактической завершенности процесса развития эпоса.

Понятия «архетип», «символ», «знак» хоть и не тождественны, но взаимосвязаны и взаимообусловлены, более того, архетип, как правило, реализован во всех структурах частных порядков, начиная с символа и заканчивая эмблемой (знаком).

Обращение к архетипу, как к наиболее продуктивному и общему конструкту коллективного сознания, нуждается в существенной оговорке – первоначальное понимание архетипа не имело прямого отношения к формам искусства, это чисто психологическая дефиниция. И тогда возникает вопрос: поскольку, с одной стороны, архетип является совокупностью контента выразительных элементов художественного текста, их, так сказать, информационной исходной базой, а с другой – он локализован вне сферы эстетических представлений, то где, в каких порядках человеческого общежития располагается генерационная основа самого архетипа, общность комплекса которых определяет общность культурных и эстетических институций?

С этой точки зрения Северный Кавказ представляется нам регионом, в котором в наиболее иллюстративном виде возможно отследить траектории изменений элементов этнической семиосферы с момента их становления в национальном качестве. Культура горцев достаточно монолитна и может рассматриваться в рамках единого цивилизационного поля, в границах которого традиционные положения обычного права полностью регулировали жизнь и стояли во главе культурных представлений и норм народов, определяли модели и схемы фольклорного миропонимания.

Итак, мы констатируем, что семантическое содержание безусловных сквозных информационных блоков, объединенных термином «архетип», полностью генерируется витальными практиками народа, включающими системы воспроизводства, межличностной и межгрупповой коммуникации, нормами адаптивного поведения. Информационные модели более высокого уровня видятся

производными от прототипов этого вида и эволюционируют уже в культурном пространстве, в частности в произведениях словесного творчества. Стадиальное восхождение от архетипов ко все более специализированным апперцептивным матрицам эстетического характера, точнее переходы от преимущественного, стилеобразующего использования в текстах цельных смысловых массивов общего, всеобъемлющего типа ко все более узконаправленным и специализированным с точки зрения механизмов эстетической рефлексии, практически полностью совпадает с эволюцией национальных поэтических практик.

Второй параграф главы – «Этническое сознание и семиотика национальной культуры» фактически представляет собой обзор и обобщение существующих взглядов на проблему этнокультурного сознания, а также выводы автора в части формирования этнически обозначенных информационных структур.

Первые попытки проникновения в особенности национального характера и культуры, национального восприятия окружающего мира осуществлены в трудах ученых, занимавшихся этнопсихологией во второй половине XIX века. В самом общем виде их определение своеобразности этновосприятия как такового сводилось к тому, что национальная специфика проявляется в характере и темпераменте этноса, фиксируется в его этосе.

Критерием культурной монолитности выступает еще один фактор – менталитет. Представители этнических групп, разнящиеся в генеалогических истоках (скажем, кабардинцы и балкарцы), но совместно проживающие на одной территории, в единой социокультурной среде, зачастую объединены общим менталитетом. Подобное можно предположить и относительно народов Дагестана.

Речь в данном случае идет о ценностных ориентациях, присущих более или менее однородному социуму. Длительное взаимодействие порождает общность взглядов на те или иные события и явления; элементы традиционной культуры каждого из этносов, взаимопроникая, становятся ареальными, презентатами мироощущения кавказцев. Каждая этническая культура создает свои матрицы

ментальности. Они проявляются как некие свойства традиционного этнического сознания, способные отражать конкретную этническую картину мира. Этническая картина мира в свою очередь есть представления человека о мире, сформировавшиеся на основании определенных культурно-ценностных доминант, выраженных в стабильных представлениях, в том числе в образных единицах эстетического характера. Именно подобные безусловные в семантическом плане образования в концентрированном виде отражают национальное понимание прекрасного, функционального, допустимого, необходимого и прочих постоянных экзистенциального плана. Их неизменность и стабильность на протяжении длительных промежутков времени могут считаться институциональным признаком этнической ментальности как таковой. Если обратиться к эпическому наследию карачаевцев и балкарцев – памятнику культуры и литературы «Нартскому эпосу», то мы увидим свойственные исключительно кавказскому менталитету приметы и символы, посредством которых возможно объяснение сути тех или иных моделей поведения, этикетных формул, нравственных законов.

Понятно, что ранние формы национального фольклора (т.е. предшествовавшие эпосу) – всего лишь действия фиксированного вида, имеющие в контексте магических форм сознания адаптивный характер. Они не имеют основных характеристик эстетического подхода, в частности, не несут аксиологическую нагрузку. Первичное восприятие, неизбежно сопряженное с неаналитической, но, тем не менее, оценкой, соотносится с моментом непосредственного отражения, т.е. фиксации информации посредством органов чувств. Естественно, характер восприятия в границах этнического взгляда отмечен упорядоченной избирательностью. Иначе говоря, в рефлексивном плане ментальность понимается как существенная конституциональная черта коллективного и индивидуального сознания, часто не формализованная на фиксируемых рационально-логически уровнях рефлексии.

Эволюция этнического сознания и ментальности напрямую соотносится с культурно-историческим опытом народа. С его накоплением становится возможным оперирование термином «национальное сознание» (или

«национально-этническое сознание»). В свою очередь последнее выступает монолитным комплексом идентификации окружающего мира, единство и цельность которого базируются на системах концептуальных воззрений и представлений, закрепленных в виде концептов, паттернов, архетипов и других устойчивых элементов, актуализированных на субстратных уровнях культуры народа, в его этнической семиосфере.

Устойчивые языковые обороты, устойчивая символика, образность, этнические моральные, поведенческие предписания адатного происхождения представляют собой базу эмоциональной и перцептивной интерпретации явлений реального мира в их национально обозначенной форме и фактически задают национальную окраску художественным текстам: своеобразие этнической картины мира и его осмысление закреплены в совокупности устойчивых семантических единиц различного уровня обобщения, включая понятийный и рационально-логический ярусы отражения. Знаки национальной принадлежности художественного произведения являются таковыми не просто ввиду их автономного смысла, и даже не в силу их языковой принадлежности. Решающим фактором определения их этнической локализации следует считать их релевантность национальной ментальности в той ее части, которая может быть формализована: архетипика, состав паттернов, этико-моральные ценности и императивы. Однако необходимо признать, что уровни реализации архетипа в конкретных художественных текстах и способы апелляции к нему могут быть достаточно разнообразными. Архетип представляется с этой точки зрения настолько имплантированным в этническое мировидение, что обращение к совокупности его смыслов и ассоциаций неизбежно в границах любых его проявлений: при фактическом дублировании в конкретном образе, при упоминании устойчивого архетипического мотива, при усеченном использовании в виде знака (или культурного мема).

В третьем параграфе главы – «От архетипа и образа к этническому знаку» анализируются процессы типологических изменений устойчивых структур, их последовательных и инверсивных переходов в формы различных уровней.

Наиболее убедительную версию атрибуции разноуровневых по своей семантической сути единиц – образа и знака представил в свое время М. Храпченко. Уточняя положения М. Храпченко, некоторые ученые дополняют его теорию моментами эволюционной детерминированности смыслового состояния пары «знак – образ» и утверждают возможность взаимных переходов знака в образ и обратно на различных стадиях развития литературных систем.

«Переходы» образа в знак – процесс закономерный. Эволюция и модернизация рекреативных традиций любого народа естественным образом сопровождаются модернизацией общеинформационного контента, находящегося в ежедневном обороте этноса. Затухание определенных жизнеобеспечивающих практик при сохранении информации о них в художественных текстах приводит к атрофии семантики информационных структур-маркеров соответствующего исчезающего опыта. В конечном итоге – при полном исчезновении из повседневной жизни народа тех или иных процессов (технологических, производственных, культурных) – исчезает и содержание порожденных ими представлений, архетипы в этом процессе трансформируются в изолированные символы.

В границах эпического мировоззрения изменения подобного рода оставляют нетронутой парадигмальную целостность архетипа, все его составляющие продолжают оставаться компонентами одного виртуального объекта. Говоря, например, об архетипе женщины-богини, мы имеем в виду одну совокупность качеств, о женщине-матриархе – другую, о положительной женщине-ведунье – третью, об отрицательной женщине-колдунье – четвертую и так далее, в теории список можно продолжить. По сути, каждый из них должно оценивать как все более и более «суженный» вариант первичного мифологического типа. Но во всех этих случаях мы имеем в виду именно архетипическую целокупность представлений, когда апелляция к одному из элементов архетипа одновременно является равноценным обращением к другим его составляющим. Собственно, эти так называемые частные характеристики, черты, свойства и являются знаками, или метами.

Таким образом, изжившее себя, или претерпевшее кардинальные трансформации, объективно теряет «константность» и лишается возможности семиотического «наполнения». Сам факт подобной реформации имеет очень важные последствия для коллективного этнического сознания, особенно для реализации его представлений в словесном творчестве. С того момента, как архетип (или мнемо-паттерн) перестает выступать в качестве единицы «гносеологического» плана, основное содержание которой регулируется контекстом, его главной функциональной нагрузкой становится этническая идентификация, и этот момент надолго закрепляется в виде конституирующего свойства национальной поэзии на всем протяжении ее эволюции.

Вторая глава диссертации – **«Истоки карачаево-балкарской поэзии»** представляет собой описание и анализ процесса генезиса авторской художественной словесности карачаевцев и балкарцев. В первом параграфе – «Аксиологические особенности и генезис концептосферы карачаево-балкарской поэзии» отражены основные способы и направления проникновения информационных структур понятийного уровня в эстетическое сознание.

Отмечается, что этносы Северо-Кавказского региона практически без исключения являются обладателями весьма обширных фондов произведений народного творчества – схожих не только типологически, но и в сюжетики, в образных системах, тематике, по поднимаемым проблемам, однако обладающих видимой и весьма четко ощущаемой национальной своеобразностью.

Древнейшей формой устного народного творчества, образцы которой дошли до наших дней, представляются магические песни. Они напрямую восходили к ритуалистике популяции, к ее пониманию адаптивных тактик в границах архаичных форм мышления. Но не меньшее значение в национальной картине мира играют конструкты нормативно-социального характера, напрямую выходящие на понятия красоты, допустимого, поощряемого, уродливого и непозволительного. Это эталоны идеологии и обычного права, от которых полностью зависят аксиологическая составляющая любого фольклорного текста и его эмоциональная интерпретация. Они являются неотъемлемой частью

общенародной системы повседневного этико-этикетного поведения, инструментом позиционирования личности в социуме.

К слову, концепт воина, защитника на определенной стадии развития социума и общественных представлений полноценно заменял характерные черты национальной принадлежности, и основные компоненты понятия принадлежности к той или иной общности и территории. Это превалирующее положение концепта «воин» наблюдалось и в большинстве секторов обычного права, и в связанных с ними этических, культурных стандартах. Де-факто он, безусловно, детерминировал содержание сущностных компонент таких фундаментальных составляющих понятийно-рационального яруса мировоззрения, как «отчизна», «родители», «народ», и пр.

В историко-героических песнях образ воина социализируется и обрастает новыми характеристиками, постепенно преобразуясь из одинокого воина-феодала, руководствующегося каноном победителя, в определенный тип, обладающий даже сословными чертами: защитник крестьянства, благородный воитель, рафинированный дворянин и так далее. Соответственно, формируется аксиологическая позиция певца-сказителя и соответственно аксиологическая дихотомия фольклорного ряда героев.

Итак, система художественного сознания карачаево-балкарского народа восходит к двум источникам: архаичные формы народного фольклора, с другой стороны – система адатных представлений и идеалов, напрямую формирующая эстетические каноны народа. Безусловная зависимость контента художественного пространства народа от устного словесного творчества обусловила и механизмы актуализации образных единиц, задав им типологию аксиологического позиционирования, особенности этнической морально-этической мотивации поступков, эмотивный (духовно-субстанциальный) фон.

Второй параграф главы – «Принципы организации художественно-этнических представлений в фольклоре народов Северного Кавказа». Анализ эпических текстов народов Северного Кавказа приводит к однозначному выводу о существенной разнице в эстетическом содержании карачаево-балкарских,

адыгских, осетинских, вайнахских, абхазо-абазинских вариантов «Нартиады». Несмотря на общее базисное – цикл сказаний о нартах – этнические версии эпоса представляют в каждом случае свою, основанную на мировосприятии народа, систему. Отличия касаются главным образом системы художественной условности. Относительно карачаевцев и балкарцев, например, можно утверждать, что в границах условного допущения коллективное сознание народа еще сравнительно недавно было актуализировано в пространстве мифа и эпоса.

Неудивительно, что форманты фольклора – как более поздние, так и архаичные, уходящие корнями в миф и глубинные пласты сознания, зачастую напрямую участвуют в моделях лирического переживания в современной поэзии.

В результате смешения семантики древнейшего архетипа «воин» с более приближенными к нам по времени фольклорными образами появляются стабильные оппозиционные бинары, образованные на прежнем основании – воинских стандартах и поведении. Все, что соответствует представлениям о внешности воина, получает позитивную окраску, все, что выходит за рамки подобных норм, – негативную. Система оценки в соответствии с архаичными ожиданиями от объекта «мужчина-воин» оказалась настолько устойчивой, что полностью доминирует в позднем фольклоре, зачастую определяя аксиологическую позицию реципиента в полном отрыве от исторических реалий.

В сущности, мы наблюдаем результат вычленения устойчивых параметров из смысловой сферы объекта-носителя и появление безусловных дихотомических конфликтных оппозиций на новом уровне описания: «сила – слабость», «смелость – трусость», «верность – предательство» и т.п.

В новейшем фольклоре подобные характеристики оформляются в стабильные бинарные оппозиции и выстраиваются в своеобразную «несущую» скелетную конструкцию, пронизывающую весь объем устного народного творчества народов региона.

Образные ряды фольклорных текстов народов Северного Кавказа всегда институируются оппозиционно, дихотомически. В координатах оппозиционной дихотомии возникают обязательные группы образов и художественных

представлений. Стабильность основных составляющих конфликтных бинаров была безусловной даже на самых поздних стадиях развития фольклора. Это обстоятельство обусловило многие особенности дальнейшего развития фольклора, а позже и авторской поэзии народов Северного Кавказа. Притяжение определенного лексического ряда для реализации дихотомических концептов тех или иных типов было процессом, инициированным самой структурой художественного мышления этносов Северного Кавказа, основывавшейся в первую очередь на оппозиционных моментах и стереотипах эстетического отражения.

Последний параграф второй главы – «Этнические знаки и их формирование» описывает процессы становления и развития образных единиц различного уровня, выступающих в роли национальных идентификаторов текста.

Вопросы этнической идентификации фольклорных единиц различного уровня не нашли окончательного решения в современной науке. Наиболее популярный взгляд о субэтническом генезисе фольклорных единиц различного уровня находит подтверждение в некоторых смежных дисциплинах, так или иначе выходящих на историю культуры. Например, представители школы Дж. Фрезера вслед за своим лидером провозгласили безусловное доэтническое становление мифологии, связав появление последнего с магическими представлениями и ритуалами.

Нет сомнения, что внедрение (и адаптация) этнически окрашенной образности и символики в индифферентные мифические сюжеты происходило в течение достаточно продолжительных временных промежутков. В то же время мифологический текст может иметь выраженную этническую специфику и определенность даже в самых архаичных формах. В частности, к этническим, или этноориентированным, и ареальным мотивам карачаево-балкарского нартского эпоса можно отнести мотивы *игры с камнем «Абра-таш»* и *стальным колесом «Жан-чарх»*, финального действия восставшего из мертвых героя с последующим «отложенным» наказанием его врага (цикл «Рачикау»), *мотив добывания огня* и некоторые другие. Относительно последнего – этнокультурное своеобразие

версий этого мотива в нартском эпосе состоит в том, что первичными обладателями огня являются великаны, то есть персонажи, стоящие на более низкой ступени эволюции в координатах эпического бытия. Это сугубо кавказский мотив умыкания, не имеющий отношения к обычным схемам, выстраивающимся вокруг культурного героя.

Выяснить последовательность изменений развитых структур в процессе их превращения в однозначный знак, либо эмблему, с безусловной национальной маркировкой, достаточно легко – во всяком случае в образцах устной народной словесности. Зачастую это путь пошаговой модификации, превращающий текстуальный фрагмент-описание в точечный этнический знак. Мы ясно видим, как в процессе изменения среды обитания и рекреационных практик народа отмирают не востребованные семантические значения и в обороте остается моносемантический номинатив, играющий в произведении исключительно атрибутивную роль.

Особенности истории карачаевцев и балкарцев, обусловившие специфический вид обращения и бытования эпоса в эстетическом сознании народа, привели к тому, что национальная идентификация фольклорных, а затем и авторских текстов производилась посредством совокупности эмблем-знаков с зауженным (редуцированным) семантическим содержанием, независимым от контекста.

В третьей главе диссертации – **«Карачаево-балкарская поэзия на стадии ускоренного развития»** освещены основные направления и содержание эволюционных процессов довоенного периода. В первом параграфе главы – «Восточные (арузские) практики и их роль в становлении художественной словесности карачаево-балкарского народа» рассматривается дореволюционный этап становления и развития эстетической мысли горцев.

Отмечается, что распространение арабской грамоты среди карачаевцев и балкарцев, как и первые опыты сочинений религиозных песнопений-зиков, связано с началом XIX века, однако своего расцвета духовная литература

достигла к концу указанного столетия, когда сложились ее основные жанры: зикир, мунажат, мауллот, уаз, фатыуа, агиографическая проза.

Горская культура оказалась интегрированной не только в кораническое мировосприятие и миропонимание. Влияние Востока оказалось благотворным в формировании светской литературы, жанров любовной лирики, а чувство к женщине стало основным сущностным эстетико-философским содержанием целого ряда крупных произведений. Модель любовного переживания в литературах народов Северного Кавказа была сформирована именно под влиянием восточной традиции, с адаптации которой к местному субстрату и начиналась авторская поэзия региона.

Утверждая ценность свободно развивающегося чувства, органичность и силу духовного единения влюбленных, свою «версию» трагической любви Тахира и Зухры представил балкарский поэт К. Мечиев. В поэме «Айджаяк» К. Кочкарова сформулировано новое понимание роли женской красоты и ее значения в мироощущении горца. Особое место занимает творчество И. Семенова – его поэма «Актамак» послужила образцом лирического текста, модели переживания которого лежат в основе многих стихотворений о любви.

Существует целый ряд текстов, анализ которых недвусмысленно свидетельствует о системном освоении арузных технологий стихосложения во всей совокупности их образности, жанров, тематики и концептуалогии. Так, например, поэма К. Мечиева «Бужжигит» создавалась в форме *назира* – ответа на более ранние произведения-прототипы. Это не подражание-таклид, а неизмеримо более высокое и состоятельное в профессиональном плане творение, подразумевавшее как минимум творческую зрелость автора.

Само название поэмы говорит о многом. Автор не использовал классическое для тюркского поэтического мира имя «Бозжигит», предпочтя ему карачаево-балкарский вариант. Каждому условно-литературному образному посылу противопоставлен образ этнического происхождения, при этом чередование поэтических структур происходит четко по бейтам, иногда – по мисрам, но всегда в соответствии с классической формальной структурой арузной

строфики. Такая однозначная соотнесенность конструктов разнородной когнитивности с бейтами уже служит вполне достаточным основанием для выводов о целеустановке поэта – создании поэмы в жанре назира, т.е. ответа с использованием технических и образных приемов арузного происхождения – в данном случае в его тюркской версии.

Нет никакого сомнения, что на рубеже XIX–XX вв. одной из важнейших составляющих поэтического мышления карачаевцев и балкарцев стали арузные рефлексивные модели различного уровня. Однако процесс эволюционного движения всех типологических направлений генезиса и развития национальной поэтической мысли был прерван с приходом советской власти. С 1917 года карачаевская и балкарская литературы развивались, во-первых, автономно друг от друга, во-вторых, они так же, как и литературы других народов Северного Кавказа, перешли на рельсы идеологического, политического мирозерцания и долгое время эволюционировали в режиме так называемых «новописьменных». Последнее обстоятельство резко ускорило формирование востребованных социалистическим государством парадигмальных литературных институтирующих структур и одновременно затормозило эволюцию тех составляющих этнической культуры, которые по тем или иным причинам не отвечали требованиям новых эстетических доктрин.

Арузная поэтика, опыт восточных практик оказались в числе этих последних. Нарботки К. Мечиева и других карачаевских и балкарских поэтов, связанные с адаптацией богатейшего наследия Востока к национальному мировоззрению и художественному мышлению, оказались невостребованными на протяжении жизни и творчества нескольких поколений. Лишь в 70-х годах прошлого века структуры и конструкты арузного типа и строения вернулись в творчество ряда карачаевских и балкарских поэтов.

С учетом изложенного правомерным представляется утверждение, что к концу XIX – началу XX в. интенсивно «создавались» новые формы культурных внутриэтнических и межэтнических культурных коммутаций, в том числе серьезнейший импульс к развитию получила поэтическая традиция карачаевцев

и балкарцев. Литературные произведения отражали в основном борьбу за национальную свободу, искоренение антагонизма в системе сословно-патриархальных взаимоотношений (социально-философские поэмы); религиозное просветительство привнесло элементы дидактизма в гуманистические традиции, восточные практики послужили основой для создания произведений в жанре любовной лирики (лирические и лиро-эпические поэмы, баллады).

Второй параграф главы – «Закономерности развития художественного сознания в условиях идеологизации». Фольклорная система национальной аксиологии обусловила появление устойчивых оценочно и эмоционально значимых дескриптивов, каждый из которых часто также имел обязательную противопоставительную пару. Как результат – категоричность и однозначность эмоционального наполнения тех или иных устойчивых представлений, оппозиционная дуальность позитивного – негативного, контрастность во многом определили лицо этнического художественного мышления на изобразительно-выразительном уровне.

После 1917 года основные черты фольклорной эстетики карачаевцев и балкарцев (сказанное в полной мере относится ко всем народам Северного Кавказа) оказываются в среде, наиболее благоприятствующей их развитию, и те исходные формы образной, описательной, идентификационной бинарности оппозиционального плана, которые были свойственны фольклорным поэтическим практикам, приобретают тотальный, всеобъемлющий характер. В ближайшие к Октябрьской революции годы поэтика новописьменных литератур народов Северного Кавказа основывалась на безальтернативных конфликтных бинарах, образной системе, в границах которой идеологическое содержание описываемого полностью и однозначно определяло его аксиологическую позицию, подобно тому как эпические герои и образы были априори и безосновательно хороши либо плохи. Концептуальная оппозиционная дихотомия проецируется на все уровни поэтической рефлексии и воплощается на общеобразном и частно дескриптивном уровнях, реализуясь в устойчивых контрастных парах «отвага – малодушие»,

«красота – уродливость», «защитник – эксплуататор» и т.п., в принципе, общих для всех народов Северного Кавказа.

Отрицание прошлого и восхваление будущего – основная и, быть может, единственная идея текстов 20-х годов, разумеется, текстов граждански и социально значимых. Безапелляционность в атрибуции позитивного и негативного, резко конфликтный настрой по идеологическим параметрам и такой же неаналитический подход к объектам и явлениям «приемлемой» идеологической и политической окраски – все это определяло и систему образов, и сюжетику, и в целом выразительный инструментарий произведений.

В литературах Северного Кавказа мотивы социального неравенства стали смыслоорганизующим стержнем большинства текстов и отражены в творчестве практически всех горских авторов: карачаевцев И. Каракотова («Бай и батрак»), А. Уртенюва («Жадному мулле», «Учти!», «Эфенди и смерть», «Кулак и батрак»), Д. Байкулова («Батрак и кулак», «Марьям и эфенди», «Шамай прежде и теперь»), балкарца А. Будаева («В прошлом»), ногайца Ф. Абдулжалилова («Многовидевшая Кубань»), чеченца Ш. Айсанова («Хава») и др. Дочерними ответвлениями темы социального неравенства можно считать такие направления творческого поиска горских авторов, как дискриминация прав человека, трагическое положение женщины-горянки.

В целом литература народов Северного Кавказа в 20-е – начале 30-х годов оставалась в основном средством политического осмысления актуальных социально-классовых явлений общества и исторических фактов. Это был достаточно очевидный для всех народов Северного Кавказа путь от механического переноса образной системы, эстетики и идеологии русской советской поэзии на местную почву до создания «гибридных» в эстетическом плане текстов, строившихся в соответствии с запросами государства на фольклорных формантах и политических эмблемах нового строя. Коротко говоря, литература народов Северного Кавказа первых лет Советской власти вынужденно или согласно внутренним интенциям адаптировалась к требованиям идеологических структур государства, но одновременно с этим активно

использовала традиционные фольклорные модели, приспособивая их к функционированию в условиях идеологического воздействия на коллективное сознание народов региона.

В третьем параграфе – «Индивидуальные маркеры поэзии социалистического реализма: реабилитация этнического сознания» анализируются процессы становления личностных рефлекторных моделей в их начальных формах, связанные с 30-ми годами прошлого века. В эволюционном плане этот период развития национальной поэзии должен был бы являть собой совершенно гомотропное пространство безраздельного господства выразительных и содержательных единиц одного происхождения и функционального назначения. Однако тексты горских авторов даже при первом прочтении обращают на себя внимание странным и показательным смешением структур разной формации и структурной организации, явно относящихся к различным эволюционным стадиям развития карачаево-балкарской поэзии.

Национальной поэтике 30-х годов присуще приближение к этнически обозначенной образности. В отношении поэтического национального стиля это выражалось в постепенном увеличении количества «вещных» образных презентаций, ставших в конце концов узнаваемой метой карачаевских и балкарских текстов. Начав с «естественно-языковой» национальной составляющей художественного выражения, авторы осознанно ищут пути к этнической художественности. Изначально это выражалось в непосредственном насыщении произведений знаками национальной идентичности, повышении сензитивности образа, тяготении к представлению в стихе так называемого «пластического», фактурного слепка.

При этом основной сферой эволюционного движения семантических структур карачаево-балкарской поэзии стала поэма. Она оказалась именно тем сектором реализации художественного мышления национальных поэтов, в котором реабилитация национальных специфических форм отношения стала не только возможной, но и вполне соответствовала целям и общей эстетике панорамных полотен, в которых, по определению, должны были сочетаться как

идеологическая, классовая нагрузка акцентных содержательных элементов, так и реалистичность и достоверность лирического сопереживания.

Надо отметить, что опыт создания крупных лироэпических форм для горских поэтов не являлся заимствованием в чистом виде. Они зародились в творчестве авторов, сложившихся еще в дореволюционные годы: К. Мечиева, Б. Пачева, И. Казака, Али Шогенцукова, Г. Цадасы, А. Салаватова и др.

Эстетика, выстраивавшаяся в соответствии с доктринами Советского государства, к 30-м годам прошлого века заняла господствующее положение на всем пространстве многонациональной литературы, а концептуальное определение «коммунистического» подхода к изображению окружающего мира стало безусловной истиной, не требовавшей аргументов. В таких условиях «чистая» лирика отступает на задний план, даже вычлененные лирические составляющие крупных форм несут риски «деидеологизированного» взгляда, что, в принципе, могло приводить к конфликтам с властью.

И уже в конце 30-х – начале 40-х годов авторы обращаются к социально-философской поэме, пытаясь на новом уровне осмысления отразить изменения, произошедшие в мире, зафиксировать новую схему интерпретации бытия. Надо сказать, данная форма оказалась весьма продуктивной, она находилась в активном обороте поэтов Северного Кавказа достаточно долго, заняв доминирующие позиции в творчестве целого ряда авторов. Однако желание дистанцироваться от пройденных в недавнем прошлом эволюционных модификаций поэтического выражения при сохраняющемся и органичном строе чувственно-материального отражения мира предопределило образные предпочтения авторов. Поэма, помимо всего прочего, давала широкие возможности для использования такой специфической и в высшей степени характерной для карачаево-балкарского поэтического мышления единицы, как символ.

Национальные поэты, мышление которых органично освоилось в системе идеологического освещения явлений и объектов, полностью восприняли обобщенно-символическую манеру описания окружающего, не удовлетворялись однозначной и неизбежной расстановкой аксиологических акцентов. Не имея

возможности оспорить классовый и политический канон эпохи, они стремились к индивидуальной трактовке установленных и прозрачных символов путем перенасыщения их тем или иным эмоциональным содержанием.

Здесь, в среде гиперболизированного чувства они искали возможность уйти от навязанного социальным заказом порядка оценки и описания реального мира, выводя его объекты и процессы за пределы нормы и, таким образом, – за пределы идеологической шкалы идентификации. Это было безусловно перспективное направление творческого поиска, разработка которого, в конце концов, сказалась на эволюции карачаево-балкарской поэзии, однако историческая судьба этноса сложилась так, что эмотивный уход от поэтики идеологического конформизма стал реальностью намного позже. В своей функционально-модифицированной форме явление эмоционального гипертрофизма проявилось уже в 70-х – начале 80-х годов прошлого века, определив некоторые особенности поэтического мышления целого ряда авторов.

Глава четвертая диссертационного исследования – **«Эволюция карачаево-балкарской поэзии середины – второй половины XX в.»** открывается параграфом «Поэзия 40-х – 60-х гг. XX в.». Констатируется, что в поэзии 1941–1945 годов основные воинские конфликтные императивы и концепты, нашедшие свое законченное воплощение еще в фольклоре, обрели «второе дыхание», оказавшись как нельзя более функциональными и соответствующими ожиданиям читателя. Формулы эмотивного выражения в произведениях, посвященных Великой Отечественной войне, не выглядят примитивными частями оппозиционного бинара по той простой причине, что все произведение в целом выстроено в соответствии со схемами народных текстов, отмеченных тотальной символизацией описываемых объектов, в свою очередь приводящей к закономерной диверсификации смысла описываемого объекта. К тому же помимо традиционных концептов, истоками которых был в основном национальный фольклор, образная система каждого поэта обогащалась собственным видением. Так, для К. Отарова символичными стали образы берез, дорог, птицы, плуга, К. Кулиева – ветра, дорог, раненого камня. В оборот вовлекаются условные формы

обобщения (символ, аллегория, метафора), позволяющие шире осмыслить события, порожденные трагическими событиями XX века. В итоге в северокавказской литературе отчетливо проявились две тенденции, две модели отражения военной действительности: натуралистическое детализированное описание и осмысление войны на понятийно-рациональном уровне обобщения. В то же время исследование особенностей поэзии военных лет показало акцентированное внимание авторов к этническим истокам.

Особую роль в формировании художественного сознания карачаевцев и балкарцев сыграли трагические события 1943–1944 годов. Депортация повлияла на психологию народов не только в своих экономических, культурных, демографических составляющих – события 1943–1944 поколебали многие аксиологические установки.

Ожидать резкого отказа от привычных и ставших традиционными методов описания окружающего, предполагать полный уход от классово-идеологической модели художественного отражения мира было бы затруднительно с любой точки зрения, если бы речь не шла о поэзии депортированных народов. Но в данном случае это оказалось возможным, и даже погруженные в концептуалистику советской идеологии авторы радикально изменили свои эстетические воззрения. Оставаясь по своей сути приверженцами социалистической идеологии, они оказались перед проблемой сохранения самого объекта поэтического осмысления в самом широком смысле этого понятия. То, чему было посвящено все их творчество, то, что являлось причиной и пространством их творческой самореализации, нуждалось в механизмах новых, приемлемых с точки зрения недавнего негативного опыта, интерпретаций. В первые послевоенные, депортационные и постдепортационные годы в текстах карачаевских и балкарских авторов формируется особая выразительная манера поэтического изложения, в основе которой лежит скрытая, или латентная, идеологема.

В ее границах автор создает ситуацию скрытого сравнения, демонстрируя явные и очевидные изменения, произошедшие в жизни народа, выстраивая пространственные ряды новой объектности, включающие в себя приметы нового

техногенного окружения и признаки новой бытовой комфортности. Таким образом поэт реализует основную идеологическую оппозицию текста – противостояние этнического прошлого и советского настоящего, данное в неявной форме, но от этого не менее очевидное.

Изменения в декларируемых ценностных ориентирах, точнее качество этих изменений, конечно же, зависели от характера мышления художника и его личностных качеств, причем надо отметить интересную деталь – чем более в художественном плане поэт был зависим от государства в додепортационный период, тем заметнее была реакция отторжения официальной эстетики.

При этом уход в медитативную пейзажную или любовную лирику сам по себе можно расценивать как частный случай реализации скрытой идеологемы – если понимать последнюю в самом общем смысле.

Латентная идеологическая оппозиция в эволюционном плане представляла естественный для мышления новописьменного народа селективный барьер, отсекавший алгоритмы тотально-классового мышления от формирующихся стандартов и норм этнических и этических подходов к осознанию окружающего. Это был ожидаемый и естественный шаг в развитии коллективного сознания этноса. Смягчая сам характер бинарного противостояния в эстетических представлениях горских авторов, скрытая идеологема позволяла заполнять текстуальное пространство новым семантическим и концептуальным содержанием. В этом плане она, вошедшая в поэтическую практику как вынужденная форма отказа от навязываемых официальными доктринами требований, может оцениваться в качестве промежуточного необходимого звена между утилитарно-классовой поэтикой тотального образного универсализма и переходом этнического художественного сознания к национальным началам и далее к реализации индивидуального, личностного «Я» в поэтических текстах.

Модернизация латентной идеологемы и превращение ее в концептуально значащую схему другого уровня выразительности и художественной достоверности – *этико-эстетическое сопоставление* рассмотрена в следующем параграфе – «Модернизация устойчивой этнической символики как составляющая

развития национального эстетического мышления». Утверждается, что стремление компенсировать скомпрометированное идеологическое «советское» содержание прежней поэтической традиции вернуло авторов к национальному фольклору.

Обращение к этническим корням словесной культуры было всеохватным, можно сказать парадигмальным. Во всяком случае в авторскую поэзию карачаевцев и балкарцев мощным потоком хлынули конструкты устной традиции всех уровней: от устойчивых форм до образных наборов, а благодаря последним – сквозных концептуальных и аксиологических установок.

Широкое распространение получают более свободные в плане содержания фольклорные формы, прежде всего *ийнары* (ийнар – лирическая песня). В определенном смысле ийнар способствовал накоплению опыта поэтической презентации в рамках жесткой формы и, по всей видимости, в ряду других причин обусловил обращение значительной части карачаевских и балкарских поэтов к введению в творческую практику классических европейских жестких форм, прежде всего – сонета.

Стремление карачаевских и балкарских авторов к поиску национального выражения и национальных систем эстетического представления показательно проявилось в изменении апперцептивных характеристик тех традиционных поэтических объектов, которые функционировали в художественном пространстве как некие конвенциональные условные единицы, общие для Северного Кавказа и русской литературы. Поэты целенаправленно включают в тексты аутентичные этнические структуры, иногда имеющие уникальный эндемичный характер.

Этническая компонента внедряется в общецивилизационные и общекультурные универсалии, зачастую выводя их из сферы рациональных автологических определений, таких как, например, «любовь». Аналогично обстоит дело практически со всеми универсальными составляющими образного фонда региональной, советской и мировой поэзии. Этнической обработке в 60–70-е, а затем и последующие годы подвергаются все они. «Любовь», «добро», «зло»,

«справедливость», «свобода», «родина», «красота» – все эти базовые концепты поэзии продолжают оставаться таковыми, однако в каждом случае употребления приобретают новые, ярко выраженные национальные оттенки.

Следующим эволюционным шагом стал переход к новым трактовкам общеэмоциональных концептов – «любовь», «мать», «малая родина» и т.д. Сразу следует сказать, что сама локализация этих понятий в общем информационном поле любого бытийного или социального окружения подразумевает их автоматическую этническую атрибуцию.

Поэтому, с одной стороны, в карачаевской и балкарской поэзии наблюдаются явления «смешивания» различных концептуальных линий, сквозных для национального художественного мышления; универсальные концепты различного семантического содержания объединяются в текстах в нечто целое, представляя читателю культурные меты общегуманистической ориентации, реализованные в рамках сугубо национальных образных представлений, и, в конце концов, локализуя их в топосе Родины. С другой стороны, объединение в рамках единого образа нескольких концептуальных начал можно расценивать как попытку отхода от существующей практики использования универсальных концептов карачаево-балкарской поэзии.

Причина была достаточно прозрачна – как и четверть века назад, карачаево-балкарское художественное мышление столкнулось с проблемой «исчерпанности», «выработанности» сформированного к этому моменту фонда содержательных конструкций – правда, на несколько ином уровне, чем это было в довоенные годы. В этот раз национальное эстетическое мышление столкнулось с предпочтительностью определенного набора объектов с ощутимой семантикой этнического характера и устойчивым характером организации внутриобразной информации, тяготеющей в основном к сензитивным ярусам восприятия.

Таким образом, на рубеже 60–70-х годов XX века тяготение к «взлому» традиционных представлений, выражающееся на всех уровнях текста, вплоть до образного, отмечается у подавляющего большинства карачаевских и балкарских поэтов. Иногда эта тенденция приобретает демонстративно-показательный

характер и воплощается в авторском переосмыслении устойчивых образов, представляющих презентативную суть этнического мироощущения, олицетворяющих в глазах читателя всю систему национальной символики.

В последнем параграфе главы – «Диверсификация рефлексивных моделей карачаево-балкарской поэзии» прослеживается процесс преодоления стагнационного состояния национального художественного мышления. Уже в конце 30-х годов наблюдались первые попытки отказа от шаблонных поэтических представлений, совмещения индивидуального и «социального» подходов к отображению действительности. Если в своем сублимативном виде стихия дерегламентированного «Я» выразилась в дифференцированном понимании сущности поэтического переживания «гражданского» и «лирического» типа, то функциональное органическое ощущение окружающего мира могло иметь место лишь при слиянии этих двух вынужденно сформированных направлений поэзии. На этом этапе труднооценимый импульс к дальнейшему развитию этнических составляющих карачаево-балкарской поэтики был дан классиками национальной поэзии – К. Кулиевым, И. Семеновым, К. Отаровым. Их творчество, потенциал художественного мышления не только обусловили высокий уровень поэзии прошедших этапов развития, но и определяли ее актуальное состояние. Именно с их именами связан процесс выхода из того своеобразного кризиса, при котором идеология советского государства уже не могла восприниматься как продуктивный творческий субстрат, а автохтонная система образности, выходящая за границы фольклорного постижения мира, все еще находилась в процессе поиска универсальных средств широкого охвата действительности.

В послевоенный же период, отмеченный поиском новых форм выражения поэтического переживания, стремление к отражению синтетическому, совмещению понятийно-идеологического осмысления реальности с эмоционально-сензитивным стало основным качеством национальных моделей художественного отражения. Перевод автологических элементов в материализованные представления и трансформация последних в обобщенные универсалии стали характерной чертой карачаево-балкарской поэзии.

Специфичным качеством рассматриваемого эволюционного этапа карачаево-балкарской литературы была не только и не столько попытка итогового рассмотрения исторических, этногенерирующих обстоятельств недавнего исторического прошлого. Первичным было четко просматриваемое стремление авторов к анализу такового в новационной образной среде, которая бы способствовала интеграции в национальное художественное мышление понятийных универсалий и расширяла систему сложившихся рефлекторных представлений путем модернизации традиционных этнических концептов – как естественно перцептивных, так и формант советского времени.

В целом же мы можем констатировать, что карачаево-балкарская поэзия уже в начале 70-х годов тяготела к мультикультурному освоению окружающего, но основывалась на трех фундаментальных этиологических началах – национальном фольклоре, идеологии и эстетике социалистического реализма и, главное, перцептивных особенностях родного языка и образности, отмеченной метафоричностью и сензитивной конкретностью даже в обыденной повседневной речи. Опыт и традиции восточного стихосложения, столь отчетливо отслеживаемые в текстах К. Мечиева и Д.-Х. Шаваева, в советский период не получили развития. Кроме того, балкарские поэты использовали фольклор в его сугубо «литературном», словесном виде.

Индивидуальный же стиль отдельных представителей национальной литературы в своей генерационной базе был более вариативен. Некоторые из авторов были вполне органичны в арузной поэтике, коранической и православной идиоматике, концептологии суфизма и буддизма. Типологическое многообразие образных структур берет свое начало именно в стремлении к свободе культурных предпочтений, в лояльном и естественном восприятии контента различных цивилизационных пространств.

Пятая глава диссертации – **«Особенности карачаево-балкарской поэзии конца XX века»**. В первом параграфе – «Оформление жанровой парадигмы карачаево-балкарской поэзии» основное внимание уделено становлению и

развитию типологии художественных текстов, приобретающих в эти годы свой современный вид.

К середине 70-х годов прошлого века окончательно оформилось сразу несколько направлений дальнейшего развития поэтической традиции карачаевцев и балкарцев. Наиболее отчетливо мультирефлекторная природа национальной поэзии выразилась в сфере формальных и жанровых изысканий авторов.

На становление и эволюционные изменения традиционных форм в карачаево-балкарской поэзии значительное влияние оказал опыт тюркской средневековой поэтики. Система устойчивых форм в традиционной тюркской поэтической культуре весьма разветвлена и включает в себя не только наследие арабской и персидской культуры. Как следствие – в национальной литературе нашего времени стабильные формы поэтической презентации присутствуют во всей полноте, являя нам весь фонд жанрового разнообразия: от коротких текстов, восходящих к фольклорным благопожеланиям, до поэм.

Национальное сознание, как правило, находится в режиме ожидания наиболее емких и доступных с точки зрения интерпретации информации образов, понимание которых связано со всем протяжением истории народа от его самых архаичных форм общежития и миропостижения. В советской национальной поэзии они соседствуют с формами выражения новой генерации, которые явились результатом и следствием воздействия на культуру новописьменных народов нового информационного контента, спродуцированного «западной» в своей основе цивилизацией.

И с этой точки зрения особую роль в самом характере адаптивной эволюции этнического мышления сыграло сходство формально-семантических и онтологических параметров некоторых типологических разновидностей текстов. К слову, *миниатюра*, так же как *элегия*, имеет давние традиции в словесном творчестве карачаевцев и балкарцев. Объясняется это широчайшим распространением практик экспромтного творчества, обусловленного этикетными

и этическими нормами, в прошлом свойственным всем без исключения свободным сословиям карачаевцев и балкарцев.

То есть – минимализированные, краткие формы поэтического выражения абсолютно органичны для сознания карачаево-балкарского народа и в целом могут считаться одной из исконных схем художественного самовыражения.

При этом из числа «европейских» твердых форм только сонет прочно укрепил позиции и занял особое место в творчестве целого ряда национальных авторов. Примечательным явлением в карачаево-балкарской литературе стало и обращение к сложнейшей поэтической форме «венков сонетов».

Весьма интересны еще несколько моделей лирического представления, анализ которых осложнен тем, что с точки зрения жанра и жанровых форм они находятся в стадии становления. Это *ант* (клятва), *насийхат сёз* (сентенция), *айтыш* (словесное состязание), *тилек* (обращение-просьба), *эскертме* (воспоминания), *санга джораланган назму* (посвящение), *ахыр тилек* (последняя просьба), *осият* (завещание), *айтыу* (слово, сказ), *термилиу*, (тоска), *кюсеу* (сильное желание, потребность), *соруу* (вопрошания), *излеу* (поиски), *сарнау* (горестное повествование), *къаргъыш* (проклятие), *дерс* (уроки), *ода* (восхваление), *умут* (надежда), *накъырда* (подтрунивание), *аманат* (обет), *дау* (претензия), *чам джырла* (юморески). Многие формы восходят к фольклорным жанровым моделям, таким как айтыш, ийнар, сарын, къаргъыш.

Поэма в национальной поэзии современной формации, как правило, отмечена уходом от гипертрофированных форм пафосной презентации, зачастую подчеркнута лапидарна в выразительном плане и выстраивается в поле своеобразного ментального утилитаризма, в котором романтика и некоторая хаотичность представляемых эмоций уступают место выверенным и последовательным картинам человеческих переживаний – аргументированных и локализованных в достаточно определенном диапазоне.

Эволюционному движению поэмы на содержательном уровне соответствуют и изменения формально-структурного плана (от речитативности фольклора к упорядоченной рифме, от силлабического стиха к силлаботонике). В

жанровом отношении разновидностей современной карачаево-балкарской поэмы обращены в основном к традиционным сферам поэтического отражения – *лирико-философская поэма, лирико-публицистическая поэма*.

Авторы Карачая и Балкарии развивают крупноформатную поэзию, совершенствуя образный и формальный инструментарий, модифицируя подходы к изображению окружающей действительности, ставя все более и более глубокие проблемы общефилософского, мировоззренческого плана. Лиро-эпическая поэма находится в стадии своего активного развития, что доказывается хотя бы тем, что ее композиция и применяемые авторами алгоритмы лирического переживания в настоящее время все более и более усложняются. Лирическая поэма в свою очередь осваивает новые тематические направления, постепенно переходя от решения субъективной проблематики к новым осмыслениям и трактовкам морально-этических и нравственно-психологических стандартов этнического и общегуманитарного характера.

Исследование системы жанров карачаево-балкарской поэзии позволило обозначить основные тенденции эволюционного процесса и степень обновления форм и методов художественной интерпретации текста, его прочтения и осмысления в свете истории; аргументировать устойчивость положения о функциональной роли этнокультурного (фольклорного) фонда в становлении поэтического жанра в национальной литературе: влияние древнеэтнических форм (нарт сёз («мудрая лаконичная мысль»), досл. «нартовское слово») и творчества тюркоязычных поэтов эпохи средневековья на формирование и развитие национальных поэтических практик.

Второй параграф главы – «Типология этнических знаков в карачаево-балкарской поэзии». Поэтические форманты, отмеченные уникальным этническим содержанием и используемые в карачаево-балкарской поэзии, подразделяются на три вида. Наименее объемные из них в смысле содержания и текстуальной реализации – точечные знаки, воплощенные в национальных топонимах, ономастиконе, уникальных номинациях эндемичных объектов и явлений. Подобные точечные маркеры выполняют роль прямых апелляций к

этническому окружению и замыкают осмысляемую семантику текста в конкретном информационно-культурном пространстве того или иного народа.

Точечные знаковые элементы обычно включаются в тексты в своем автологическом значении, а непосредственно модели переживания участвуют в форме последовательности прямых названий, описывающих этнически значимые локации, шаги персонажей, антураж их действий, однако они крайне редко заключают в себе особенности национального рефлексирования, самого характера национального и авторского отражения, этнической модели хронотопа.

Структуры, базирующиеся на неосознанном учете архаичной архетипики и образности народного словесного творчества, можно отнести ко второму типу этнических знаков. Им свойственна внеконтекстуальная устойчивая семантика, актуализирующаяся в плоскости общекультурных представлений народа и передающаяся из поколения в поколение внелитературными способами, во всяком случае, имеющая такую возможность.

Основные дефиниции эстетического, стандарты отрицательного и положительного, оценочные нормы и т.д. восходят к витальным практикам этноса, с национальным пониманием утилитарности и полезности. На каждом историческом этапе развития понимание целесообразности неизбежно претерпевает изменения, соответственно трансформируются и стандарты, восходящие к витальной селекции, и, естественно, это сказывается на национальных представлениях полезного, положительного и отрицательного. В дальнейшем именно эта категориальная система, подкрепленная опытом жизненного и хозяйственного воспроизводства, становится основой формирования эстетических идеалов. Однако фрагментарные мнемо-паттерны прошлых формаций сохраняются в презентативных секторах культуры народа и фиксируются в народных текстах.

Основной характеристикой этнических конструкторов второго типа является их соотнесенность с фольклором. В этом плане они полностью или в значительной степени сохраняют этническую своеобычность и, будучи потенциально трактуемым контентом для аутентичного реципиента, для

инокультурного повышают когнитивный ресурс текста. Простейшая и наиболее распространенная модификация этого типа – безусловные этнические нормы и представления, например, устойчивые идиомы, народные дидактические формулы.

Что касается третьего типа этнических идентификационных маркеров – их локализация в самых архаичных пластах народной культуры может быть свидетельством того, что они были сформированы еще до становления этнических сообществ и, вероятнее всего, появились на этапе создания ядерного глоссария языка в виде исходного набора производящих основ лексем. Структурируясь в устойчивые «поля смыслов», подобные понятия формируют зоны образной стабильности у горских поэтов, в границах которых каждое слово оказывается устойчиво связанным с целым рядом других, а формирование подобных ассоциаций закономерно зависит от объема занимаемого его компонентами этнического информационного пространства.

Таким образом, традиционные, текстуально связанные единицы и их автономные аналоги и прототипы задействованы в эстетическом сознании современных карачаево-балкарцев как индукторы ассоциативного характера. Именно они определяют те или иные направления возможных образных интерпретаций окружающего, актуализируя этническую специфичность текста на проблемном и философско-концептуальном уровне.

В последнем параграфе пятой главы – «Карачаево-балкарская поэзия конца XX века: тенденции развития» дан общий обзор современной карачаево-балкарской поэзии и рассмотрены перспективы ее адаптации к динамичной информационной среде. Отмечается, что творчество карачаевских и балкарских авторов 80-х и 90-х годов прошлого столетия характеризуется многообразием способов рефлексивного моделирования окружающего, схем композиции и структурной организации художественной информации, онтологических установок. Оно обогатилось в тематическом, стилевом, жанровом отношениях.

Набор поэтических объектов, берущий начало еще в языческих представлениях карачаевцев и балкарцев, используется в текстах в

функциональной роли маркеров не столько этнического, сколько обозначенного этноландшафтного принадлежности. Стремление авторов возвеличить родную природу, обозначить ее мощь и преимущество перед человеком – не окружающее ради народа, но народ как, в лучшем случае, равноправная часть окружающего – можно считать выраженным национальным трендом. Интеграция авторского «Я», человеческого начала в объекты окружающего мира при приоритетном статуировании последних – безусловно одна из поразительных черт этнической психологии, по крайней мере той ее части, которая зафиксирована в художественной словесности. В то же время карачаево-балкарской поэзии в высшей степени свойствен и антропоцентризм.

Последние два десятилетия XX века отмечены результативными поисками в жанре реалистической поэзии, что обусловлено как спецификой эпохи – демократизацией, гласностью, так и субъективным фактором – прогрессом мировидения художника. Можно констатировать, что уровень профессионализма авторов Карачая и Балкарии в 80-х – 90-х годах прошедшего столетия позволял им проявлять полную свободу не только в выборе проблематики и тематики текстов, но и в части изобразительных средств и ритмико-интонационных решений, соотносимых по форме с верлибром. Попытки обосновать право на существование этой относительно новой для национальной поэзии системы версификации просматриваются у целого ряда авторов, причем совершенно разных возрастных категорий.

Уже в конце 70-х – первой половине 80-х гг. XX века карачаево-балкарская поэзия начинает освоение концептуалистики гносеологического плана – не эмоциональных статусов лирического субъекта, не общегуманитарных универсалий позиционирования человека в окружающем мире, таких как «родина», «любовь», «вера», «справедливость», «добро» и тому подобное, а понятий, предназначенных для структуризации бытия, его постижения: «время», «пространство», «смерть», «жизнь», «судьба».

Тем не менее даже при явном усилении интереса к гносеологическим категориям карачаево-балкарская поэзия конца XX века в целом избегает

усредненных обобщений и условно-литературной образности. К слову, один из базовых концептов поэтического мироощущения карачаево-балкарских авторов – «Родина» воссоздается практически с фотографической точностью ее ландшафтных, этнологических и рекреативных деталей. Образы горного края – река, гора, камень, дерево и др. выступают средством выражения этнического мировосприятия, своего рода маркерами, позволяющими идентифицировать картину мира карачаево-балкарцев.

Особый интерес национальных авторов в последние десятилетия XX века вызывают хронотопические соотношения в их этнически идентифицированном виде. Изображение времени и пространства, как правило, подчинено логическим целям, но может быть представлено в виде изолированного, самодостаточного символа. Огромное количество произведений в концептуальной основе базируется на противопоставлении «родина – чужбина» и в той или иной степени детализации разворачивает перед читателем хронотоп *дороги/пути*. Он, будучи сформированным на пространственно-временных связях, как и прежде осмысливается в произведениях с выраженной трагедийной основой (обусловлено преимущественно опытом прошлого народа: мухаджирство, войны, выселение).

Можно сказать, что в тематическом плане 80–90-е годы XX столетия – это время нового «прочтения» фактов истории, осмысления на уровне императивно-этических подходов, а в целом – сам характер развития национальной поэтической мысли в последние десятилетия прошлого века приводит нас к выводу о наличии мощного ресурса национальной поэзии, ее интенциональной возможности к дальнейшей эволюции. Особенно четко и очевидно это проявлялось в адаптивных формах выразительного инструментария национальной поэзии. Воспроизводимость посредством устойчивых образных единиц этноса базисных представлений (воплощенных в этносимволе, традиционных концептах) в современном информационном пространстве – при видимой аутентичности структур – позволяет предполагать высокую степень резистентности и

апперцептивной эффективности существующих на сегодняшний день этнических систем эстетического мышления.

В Заключении диссертации представлены основные выводы исследования.

Характер взаимодействия разнонаправленных традиций в авторской поэзии карачаевцев и балкарцев весьма специфичен. Генерационно неоднородные творческие практики во многом сохраняют свою аутентичность, их окончательная интеграция еще впереди, что вполне отчетливо заметно по уровню дисперсии жанров современной поэзии карачаевцев и балкарцев. В сущности, вся современная карачаево-балкарская поэзия существует в виде совокупности жанровых форм, представляющей собой органичную систему схем и моделей, унаследованных в первую очередь из фольклора, арузной поэтики и европейских (в основном через русскую поэзию) практик.

Дореволюционный период развития карачаево-балкарской художественной словесности проходил под знаком безусловного влияния архаичных форм религиозного сознания, при непосредственном и частом использовании реликтов древних форм сознания в качестве элементов поэтического текста.

Исходными формами национального художественного мышления вне всякого сомнения выступают структуры наиболее древних пластов фольклора. Аксиологические комплексы художественного сознания восходят к традиционному поведенческому стандарту и этническим адатам, они же определяют типологию персонажей и выступают в качестве эстетических идеалов. Соответственно методы атрибуции героев первых этапов эволюции национальной поэзии за редким исключением представляют собой оппозициональные бинары.

События октября 1917 года изменили естественный ход эволюции этнической культуры. Коммунистическая доктрина искусства предполагала ее преимущественное утилитарное значение. Тотальная идеологизация вкупе с реальными масштабными подвижками социального, хозяйственно-производственного плана изменили функции и цели словесного творчества – народного и авторского. Отныне литература стала серверной составляющей

идеологического инструментария нового государства, и ее развитие полностью и целиком диктовались ожиданиями и запросами политической верхушки государства – по крайней мере в части, признаваемой властями.

С точки зрения творческой самодостаточности, стилевой и образной состоятельности литература первых десятилетий Советской власти представляла собой достаточно эклектичный конгломерат разнообразнейших течений и школ, естественно, подразумевавший и весьма ощутимое фольклорное влияние. Это особенно ярко проявилось в системе жанров новой национальной литературы – обогатившейся прямыми заимствованиями из русского культурного поля, но и в значительной мере сохранившей традиционную архитектуру. Так, в новое время широкое распространение в эстетической среде классового и идеологического противостояния получили *кюй* (горевание, плач) и *сарын* (причитания, сетования) по поводу смерти того или иного общественного деятеля, а также *алгыши* (благопожелания) в адрес Советской власти и нового времени. Вышедшие из среды народного словесного творчества, многие жанровые формы адаптировались к идеологическим и социальным нормам СССР настолько, что без существенных изменений просуществовали вплоть до 70-х годов прошлого века.

Присутствие фольклорных компонентов в карачаево-балкарской поэзии заметно усилилось в военное время – что в полной мере относится ко всем новописьменным литературам Союза. Готовые модели идентификации таких категорий, как героизм, любовь к родине, ненависть к врагу ожидаемо составили пафосную базу лирики военных лет, будучи при этом перенесены из фольклора народа. Моральные императивы эпических героев и персонажей историко-героических песен экстраполировались на реальные события и эмоциональную среду военной эпохи, фактически полностью определяя стиль, образность и концептуологию национальной поэзии.

Особое место в истории развития карачаево-балкарской поэзии принадлежит 60-м – первой половине 70-х годов XX века. Заметный отход от тематики, образности и аксиологии поэтики «социального заказа» произошел не столько в силу воздействия внешних факторов, столь значимо проявивших себя в

русской литературе и вошедших в ее историю как хрущевская «оттепель». Поворот к этнической рефлексии и мирозерцанию был, скорее, вызван дискредитацией социалистической идеологии и культуры вследствие известных событий, связанных с депортацией народа (1943–1957 гг.). В результате национальные поэтические практики обогатились не столько фольклорными структурами и моделями рефлексии, и до того находившимися в широком употреблении авторов, сколько опытом их индивидуальной, частной интерпретации. В этом смысле возможно констатировать, что этнические модели лирического сопереживания наконец-таки приобрели строго индивидуальный характер и любые попытки возврата к клишированным и унифицированным поэтическим представлениям стали восприниматься как эстетический анахронизм.

Приблизительно в середине 70-х годов прошлого века начинается пиковый этап диверсификации норм карачаево-балкарской поэтической рефлексии. Обретая общие черты единого национального стиля, более всего проявленного на уровне образного отражения, конкретно – в повышенной материальной наполненности поэтических представлений в их подчеркнутой сензитивности, а также в определенном наборе эстетических и культурных универсалий, ставших сквозным образным и символическим кодом национального художественного сознания, карачаевская и балкарская поэзия устремилась к преодолению недавно сформулированных этнических стандартов.

Целая плеяда молодых талантливых авторов, выросших в среде «этнического» фактурного отражения, начала поиск новых типов самовыражения на самых разных уровнях поэтического переживания – от технически формального до апперцептивного. К началу 80-х годов национальная поэтическая школа была реализована сразу в нескольких векторах эстетической рефлексии – от традиционного чувственно-материализованного до рационально-понятийного. Рефлексивное, апперцептивное многообразие естественно и органично вылилось в разнообразие и полноту жанровой парадигмы карачаево-балкарской поэзии, в универсализм ее идейно-тематического содержания, появление целых областей

эстетического интереса, совсем недавно невозможных и национальными художниками просто обходившимися.

Можно утверждать, что уже к середине 80-х годов карачаево-балкарская поэзия вышла на качественно новый уровень осмысления окружающего, на новый эволюционный этап развития. Ее параметральными чертами стали многообразие апперцептивных схем трактовки окружающего, неограниченный объектный ряд, широкий идейно-тематический диапазон описываемого, развитая система этнически обозначенной символики и устойчивой образности – от масштабных архетипов и паттернов до точечных культурных мемов.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ ПО ТЕМЕ ДИССЕРТАЦИИ

Статьи в изданиях, входящих в перечень рецензируемых научных журналов, рекомендованных ВАК

1. Узденова Ф.Т. Инновации в категориальной системе современной карачаево-балкарской поэзии // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2007. № 29. С. 126–132.
2. Узденова Ф.Т. Творческая индивидуальность и национально-художественное своеобразие современной балкарской поэзии // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 4. С. 208–211.
3. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия. К типологии жанра // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2008. № 2. С. 195–200.
4. Узденова Ф.Т., Сарбашева А.М. Современная балкарская литература: основные тенденции развития // Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 2008. № 5. С. 147–152.
5. Узденова Ф.Т. Роль фольклора в становлении поэтической традиции карачаевцев и балкарцев (к истокам жанра) // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. 2009. № 3. С. 238–240.

6. Узденова Ф.Т. Специфика отражения картины мира в поэме (на материале творчества карачаево-балкарских авторов) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. 2009. № 3. С. 10–18.
7. Узденова Ф.Т. Формирование концепции поэмы в отечественном литературоведении (теоретический аспект) // Вестник Московского государственного областного университета. 2009. № 1. С. 171–176.
8. Узденова Ф.Т. Этносимволы в картине мира карачаевцев и балкарцев // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 7. С. 178–181.
9. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия 20–30-х гг.: специфика художественного мышления // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 8. Ч. 2. С. 194–197.
10. Узденова Ф.Т. Современная лирическая поэзия карачаевцев и балкарцев: поэтика и моделирование образного пространства // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 4 (66). С. 213–221.
11. Узденова Ф.Т. Семиотический контекст и национальная идентичность: к методологии вопроса // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2015. № 3 (65). С. 294–300.
12. Узденова Ф.Т. Художественная концепция человека в балкарской поэзии // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11. Ч. 2. С. 175–178.
13. Узденова Ф.Т. Об особенностях лирического стихотворения // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 35–38.
14. Узденова Ф.Т., Сарбашева А.М. Скрытая идеологема в послевоенном творчестве Берта Гуртуева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 1. С. 38–41.
15. Гузиева А.М., Узденова Ф.Т. К проблеме взаимодействия фольклора и литературы в современном литературоведческом дискурсе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2016. № 4 (58). Ч. 2. С. 38–40.
16. Узденова Ф.Т. От образа к знаку: механизм трансформации (на материале Нартского эпоса) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12-2. С. 55–58.

17. Узденова Ф.Т. Особенности отражения темы Великой Отечественной войны в северокавказской поэме // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т.10. № 3. С. 71–83. DOI: <https://doi.org/10.12731/2077-1770-2018-3-71-83>.
18. Узденова Ф.Т. Образ и его знаковая природа (к проблеме этнокультурной идентичности) // Современные исследования социальных проблем. 2018. Т.10. № 3. С. 12–23. DOI: 10.12731/2077-1770-2018-3-12-23.
19. Узденова Ф.Т. «Человек и родина» в системе ценностных ориентаций (на материале карачаево-балкарской поэзии) // Гуманитарные исследования. 2019. № 2. С. 129–132.
20. Узденова Ф.Т., Хульчаева М.Х. Элегия в карачаево-балкарской поэзии. Истоки трагического мироощущения лирического героя // Вестник Пятигорского государственного университета. 2020. № 1. С. 110–112.

Монографии

21. Узденова Ф.Т. Поэма в литературах народов Северного Кавказа. Формирование парадигмы жанра. Нальчик: Полиграфсервис и Т, 2001. 124 с.
22. Узденова Ф.Т. Художественное пространство карачаево-балкарской поэзии: этнокультурный контекст. Нальчик: Принт Центр, 2016. 212 с.
23. Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская поэзия: генезис и жанровое своеобразие. Нальчик: Принт Центр, 2018. 232 с.

Коллективные труды

24. Очерки истории балкарской литературы: монография / под ред. З.Х. Толгурова. Нальчик: Республиканский полиграфкомбинат им. Революции 1905 г., 2010. 808 с. (Очерки: Салих Гуртуев С. 560–568, Сакинат Мусукаева. С. 629–637, Мухтар Табаксоев. С. 654–663; раздел: Балкарская поэзия 70–90-х XX века (соавт. З.Х. Толгуров). С. 392–418).
25. Писатели Кабардино-Балкарии (XIX – конец 80-х гг. XX века): библиографический словарь / отв. ред. Р.Х. Хашхожева. Нальчик: Эль-Фа, 2003. 441 с. (Статьи: Бегиев Абдуллах. С. 109–111, Жулабов Узеир, С. 171–173, Мечиев Кязим. С. 281–285, Мусукаева Сакинат. С. 295–297, Созаев Ахмат. С. 329–331).

Учебно-методических работы

26. Хульчаева М.Х., Узденова Ф.Т. История карачаево-балкарской литературы (XIX – начало XX в.): учебное пособие (на кар.-балк. яз.). Нальчик: КБГУ, 2019. 106 с.
27. Хульчаева М.Х., Узденова Ф.Т. История карачаево-балкарской литературы (40–60-е гг. XX века): учебное пособие (на кар.-балк. яз.). Нальчик: КБГУ, 2020. 91 с.

Статьи в научных изданиях

28. Узденова Ф.Т. Этнопоэтические константы в патриотической лирике карачаево-балкарских авторов (на примере концепта «камень» К. Кулиева) // Кавказская филология. Пятигорск: ПГЛУ, 2007. № 2 (3). С. 166–163.
29. Узденова Ф.Т. Современная балкарская поэма: тенденции развития // Вопросы кавказской филологии. 2009. № 6. С. 54–69.
30. Узденова Ф.Т. Салих Гуртуев – поэт и мыслитель // Кавказская филология. Пятигорск, 2009. № 1. С. 54–58.
31. Узденова Ф.Т. Символическая константа карачаево-балкарской поэзии: к этимологии традиционных концептов // Евразийская лингвокультурная парадигма и процессы глобализации: история и современность: материалы международной научной конференции. Пятигорск, 2009. 11–13 ноября. С. 254–256.
32. Узденова Ф.Т. Тема народной трагедии в карачаево-балкарской поэзии (кавказские мотивы) // 12-й международный конгресс кавказоведов. Базалети (Грузия). 2010. 9–12 ноября.
33. Узденова Ф.Т. Современная балкарская поэзия: основные тенденции развития // Наука, образование, инновации: материалы всероссийской научно-практической конференции. Грозный: ЧГПИ, 2011. 26–27 ноября. С. 382–387.
34. Узденова Ф.Т. Понятие воинской чести в системе этико-эстетических представлений народов Северного Кавказа // Нартоведение в XXI веке: современные парадигмы и интерпретации: сб. науч. тр. Владикавказ: ИПО СОИГСИ, 2012. С. 257–261.

35. Узденова Ф.Т. Концептуалистика карачаево-балкарской поэзии 2-й половины XX в.: гносеологичность и национальные формы объективации // Motif Akademi Halkbilimi Dergisi (Турция) ISSN: 1308-4445 2015. № 16. С. 679–691.
36. Узденова Ф.Т. Сатанай. Семиотика образа (к теории архетипов) // Актуальные вопросы карачаево-балкарской филологии: сб. статей. Нальчик: КБИГИ, 2015. С. 179–187.
37. Узденова Ф.Т. К «этнизации» объектного пространства карачаево-балкарской поэзии // Язык, этнос, культура: материалы международной научно-практ. конференции. Черкесск, 2015. С. 285–290.
38. Узденова Ф.Т. Философская лирика М. Табакоева (языковые способы выражения авторской мысли) // Языки и литературы в поликультурном пространстве современной России: материалы международной научной конференции, посвященной Году литературы в Российской Федерации и Году русского и родных языков в Карачаево-Черкесской Республике. Карачаевск: КЧГУ, 2015. С. 287–291.
39. Узденова Ф.Т. К проблеме национальной атрибуции архетипических представлений (на материале нартского эпоса) // Вестник Кабардино-Балкарского института исследований. 2016. № 4 (31). С. 81–84.
40. Узденова Ф.Т. К вопросу об этнической окрашенности фольклорных представлений // Славянская культура в поликультурном пространстве Северного Кавказа: материалы всероссийской научной конференции, посвященной Дням славянской письменности и культуры в Карачаево-Черкесии. XII Кирилло-Мефодиевские чтения. Карачаевск: КЧГУ, 2016. С. 283–286.
41. Узденова Ф.Т., Чотчаева М.Х. Язык и культура: семиотический аспект // Материалы IV международного конгресса кавказоведов. Тбилиси, 2016. 1–3 дек. С. 113–115.
42. Узденова Ф.Т. К семантической декодировке конструкта жаралы таш («раненый камень») // Вестник Кабардино-Балкарского института исследований. 2017. № 2 (33). С. 116–119.

43. Узденова Ф.Т. Знаки как маркеры этнической идентификации (на материале карачаевской поэзии) // Национальные литературы и национальное литературоведение. Сто лет пути: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 95-летию первого карачаевского профессионального ученого-литературоведа А.И. Караевой. 2017. С. 209–219.
44. Узденова Ф.Т. Депортация (1943–1957) в художественной литературе карачаевцев и балкарцев // Труды института истории НАН Азербайджана. Баку, 2018. № 70. С. 482–486. DOI: 10.18411/702018486491
45. Узденова Ф.Т. Кавказская символика: к проблеме формирования образной системы карачаево-балкарской поэзии // Известия Кабардино-балкарского научного центра РАН. 2018. № 4 (84). С. 86–89.
46. Узденова Ф.Т. Факторы этнической специфики: ментальность и система представлений // Известия Кабардино-балкарского научного центра РАН. 2018. № 2 (82). С. 94–97. DOI: 10.18411/2018812119122
47. Узденова Ф.Т. Лирозпос: особенности становления и развития (на материале северокавказской поэмы) // Вестник КБИГИ 2018. № 1(36). С. 97–103.
48. Узденова Ф.Т. Малые жанры современной карачаево-балкарской поэзии: национальная специфика // Вестник Кабардино-Балкарского института исследований. 2018. № 2 (37). С. 116–121.
49. Узденова Ф.Т. От архетипа к образу (к эволюции художественного сознания карачаевцев и балкарцев) // Актуальные проблемы национальных литератур России: художественные поиски XX – начала XXI века: материалы международной науч.-практ. конф. Уфа: БашГУ. 2018. 12 апреля С. 245–249.
50. Узденова Ф.Т., Теппеева Х.М. Специфика употребления обращений в поэзии С. Шахмурзаева // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. 2019. № 3 (89). С. 88–92. DOI: 10.35330/1991-6639-2019-3-89-88-92.
51. Узденова Ф.Т., Теппеева Х.М. Рекреативные и этнокультурные практики в поэме С. Шахмурзаева «Таулуну календары» (календарь горца) // Научные исследования в сфере гуманитарных наук: открытия XXI века: сборник трудов

международной научно-практической конференции. Пятигорск: ПГУ, 2019. С. 126–130.

52. Базиева Г.Д., Узденова Ф.Т. Карачаево-балкарская литература и проблемы этнической идентичности // Полилингвальность и транскультурные практики. 2019. Т. 16. № 3. С. 358–365. DOI: 10.22363/2618-897X-2019-16-3-358-365

53. Чотчаева М.Х., Узденова Ф.Т. Особенности архитектоники поэмы Д.Т. Мамчуевой «Карачай» // Масс-медиа в социокультурном диалоге гуманитарных наук: материалы всероссийской научной конференции, посвященной 80-летию Карачаево-Черкесского государственного университета. Карачаевск: КЧГУ, 2019. С. 266–271.

54. Узденова Ф.Т. Эмотивные смыслы карачаево-балкарской поэзии (мотивы радости, покоя, умиротворения) // Карачаево-балкарская филология в парадигме современной гуманитарной науки: сб. научных статей. Нальчик: ИГИ КБНЦ РАН, 2019. С. 295–299.

Статьи в научных журналах, входящих в базу данных Web of Science

55. Betuganova E.N., Uzdenova F.T., Dodueva A.T., Khubolov S.M. (2019). PROBLEM OF NATIONAL IDENTITY AND WAYS OF ITS RESOLUTION IN WORKS OF ADYGHE AND KARACHAY-BALKARIAN AUTHORS (Проблема национальной идентичности и пути ее разрешения в творчестве адыгских и карачаево-балкарских авторов). Journal of History Culture and Art Research, 2019, 8 (2), 123–127 ISSN 2147-0626. <http://kutaksam.karabuk.edu.tr>. DOI: 10.7596/taksad.v8i2.2114

56. Bittirova T.Sh., Uzdenova F.T., Chotchaeva M.Kh., Khubieva F.M. (2019). CULTURAL DISCOURSE FEATURES OF THE STUDY OF SADIK DUDA "THE THEME OF THE CAUCASUS IN RUSSIAN LITERATURE OF 18-19 CENTURIES" (Особенности культурологического дискурса в исследовании Садыка Дуды «Тема Кавказа в русской литературе 18–19 веков»). Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. ISSN: 2007-7890. Special Edition, Year VII. October (60) <http://www.dilemascontemporaneoseducacionpolitica.yvalores.com>

57. Bolatova A., Uzdenova F., Kerimova R. (2019). TOTEM BELIEFS IN KARACHAY-BALKAR FOLKLORE AND LITERATURE (Феномен тотемизма в карачаево-балкарском фольклоре и литературе). Journal of History Culture and Art Research, 8(1), 223–227. DOI:10.7596/taksad.v8i1.2057. <http://kutaksam.karabuk.edu.tr>
58. Ketenchiev M.B., Dodueva A.T., Uzdenova F.T., Khubolov S.M (2019). NAMES OF MONTHS AND NATIONAL LINGUISTIC PICTURE OF WORLD ON MATERIAL OF KARACHAI-BALKARIAN FOLKLORE AND LITERATURE (Названия месяцев и национальная картина мира (на материале карачаево-балкарского фольклора и литературы). Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. Year VI, Special Edition, July <http://www.dilemascontemporaneoseduccionpoliticayvalores.com>
59. Thagazitov Yu. M., Uzdenova F.T., Kerimova R.A., Khulchaeva M.H. (2019). ON THE ISSUE OF TRANSFORMATION IDEOLOGIES IN THE CONTEXT OF EVOLUTION OF NORTH CAUCASIAN POETRY (К вопросу о трансформации идеологии в контексте эволюции северокавказской поэзии). Revista Dilemas contemporáneos: Educación, Política y Valores. ISSN: 2007-7890. Year VI, Special Edition, July <https://dilemascontemporaneoseduccionpoliticayvalores.com2>
60. Thagazitov Yu.M., Timizhev H.T., Uzdenova F.T., Bauaev K.K., Khavzhokova LB. (2020). INVESTIGATING THE EDUCATIONAL POEM-EPOPEI GENRE DEVELOPMENT IN THE NORTH CAUCASIAN LITERATURE (К проблеме формирования жанра поэмы-эпопеи в северокавказской литературе). Revista Turismo Estudos & Práticas (RTEP) ISSN: 2316-1493. Geplat: Caderno Suplementar, n. 2, março 2020. <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/1172>
61. Thagazitov Yu.M., Timizhev H.T., Hakuasheva M.A., Uzdenova F.T., Kanukoyeva M.B., Ketenchiev M.B. (2020). EDUCATING THE CONCEPTS OF CONSCIOUSNESS IN EARLY WORKS BY ALIM KESHOKOV AND KAYSYN KULYEV (К проблеме индивидуализации идеологического и художественного сознания в раннем творчестве Алима Кешокова и Кайсына Кулиева) Revista

Turismo Estudos & Práticas (RTEP) ISSN: 2316-1493. Geplat: Caderno Suplementar, n. 2, março 2020. <http://natal.uern.br/periodicos/index.php/RTEP/article/view/1171>

62. Тхагазитов Ю.М., Казиева А.М., Узденова Ф.Т. Литературный процесс 20–30-х годов XX века и становление творческой индивидуальности (на материале северокавказской поэзии) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. 2020. № 2. С. 110–114. DOI: 10.20339/PhS.2-20.110.